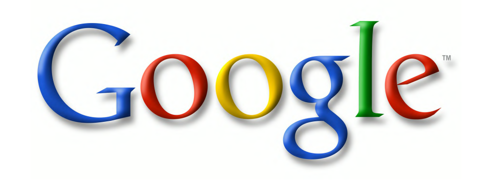
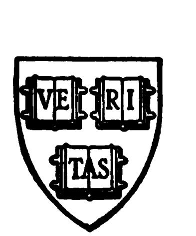

Н. КАРѢЕВЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ

гр. Л. Н. ТОЛСТОГО

въ

„ВОЙНѢ И МИРѢ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1888.

5, 8, 12, 26,

28, 29

47,

Н. КАРѢЕВЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ

гр. Л. Н. Толстого

въ

„ВОЙНѢ И МИРѢ“.

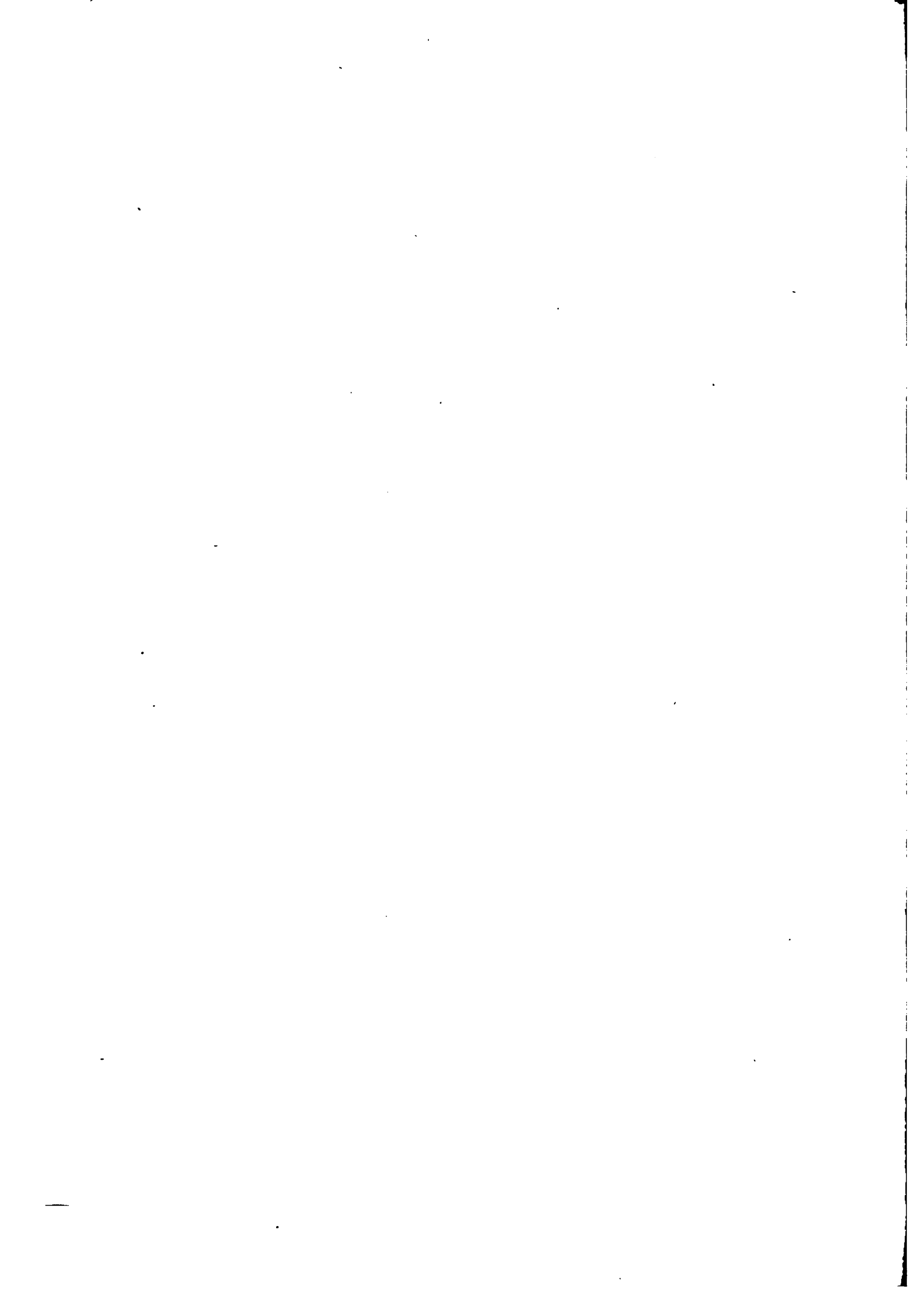
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1888.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Февраля 1888 года.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Б. Садовая, № 27.

Статья, заключающаяся въ этой брошюрѣ, возникла изъ публичной лекціи, читанной авторомъ въ Соляномъ городкѣ въ апрѣлѣ 1886 г., и была первоначально напечатана въ іюльской книгѣ «Вѣстника Европы» за 1887 г.

Приступая къ разбору извѣстныхъ историко-философскихъ разсужденій гр. Л. Н. Толстого въ «Войнѣ и мирѣ»—романѣ, написанномъ около двадцати лѣтъ тому назадъ, но и до сихъ поръ сравнительно мало разсмотрѣнномъ съ этой стороны,—мы могли бы сослаться на распространенную поговорку насчетъ «поздно» и «никогда», если бы романъ «Война и миръ» не принадлежалъ къ числу произведеній, пересматривать которыя для критики никогда не бываетъ поздно. Кромѣ того, самая тема можетъ именно *теперь* считаться почти современной въ виду *настоящаго* направленія литературной дѣятельности гр. Толстого,—направленія, въ которомъ на первомъ планѣ стоитъ именно философствованіе, хотя бы и совсѣмъ въ иной области, не затронутой въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ «Войны и мира» объ исторіи вообще. Говоря объ исторической философіи гр. Толстого, мы имѣемъ въ виду тѣ страницы его романа, гдѣ послѣдній переходитъ, такъ сказать, въ абстрактный философскій трактатъ [1],—и только этотъ трактатъ подвергнемъ анализу, не касаясь вопроса о томъ, насколько вѣрно или невѣрно освѣщеніе, въ какомъ являются у гр. Толстого дѣйствительныя истори-

---

[1]) См. по второму изданію III, 1—7; VI, 1—5, 256—257; IV, 1—8, 151—166, 231—290.

ческія событія воспроизведенной имъ эпохи. Съ извѣстной точки зрѣнія и это, конечно, представляетъ интересъ, но уже менѣе общаго и болѣе спеціальнаго характера, въ сравненіи съ разрѣшеніемъ принціальныхъ вопросовъ исторической философіи.

I. Центральная идея „Войны и мира“.

«Война и миръ», и по формѣ, и по содержанію, можетъ разсматриваться, какъ синтезъ поэзіи, исторіи и философіи, этихъ трехъ главныхъ ѳрлановъ человѣческаго самопознанія. По основному замыслу это—то же самое, что «Божественная Комедія» Данте, въ которой слиты воедино поэтическіе, историческіе и философскіе элементы, хотя со стороны внѣшняго, техническаго единства «священная поэма» великаго флорентинца далеко оставляетъ за собою «Войну и миръ». Въ «Войнѣ и мирѣ» какъ бы перепутаны страницы изъ трехъ отдѣльныхъ книгъ: изъ романа въ собственномъ смыслѣ, т. е. семейной хроники Ростовыхъ и Болконскихъ, изъ историческаго сочиненія о войнахъ Россіи съ Наполеономъ I и изъ философскаго трактата о сущности историческаго движенія вообще,—до такой степени каждый элементъ выступаетъ самостоятельно, хотя они и соединены между собою, съ одной стороны, мѣстами переходнаго характера отъ романа къ исторіи, гдѣ изображено участіе вымышленныхъ лицъ семейной хроники въ дѣйствительныхъ событіяхъ и вліяніе послѣднихъ на эти лица, а съ другой—мѣстами переходнаго же характера отъ исторіи къ философіи, въ которыхъ событія даютъ поводъ для отвлеченнаго разсужденія на общую тему или служатъ иллюстраціей теоретическихъ тезисовъ. Эти пе-

реходныя мѣста играютъ роль спайки между тремя составными частями, получающими, благодаря ей, видъ одного цѣлаго: безъ этой спайки поэзія, исторія и философія представляли бы изъ себя три неравнаго объема и разнороднаго содержанія книги, случайно сброшюрованныя и переплетенныя вмѣстѣ. Мало того: такъ какъ центръ тяжести всего произведенія лежитъ въ романѣ, и такъ какъ философскій трактатъ примыкаетъ непосредственно только къ исторической части, которая сама занимаетъ въ цѣломъ все-таки второстепенное мѣсто, то трактатъ этотъ, кромѣ того и по отвлеченности своей столь мало подходящій къ художественной образности двухъ другихъ частей, и кажется какимъ-то совершенно лишнимъ придаткомъ, нарушающимъ гармонію цѣлаго, какъ, впрочемъ, нарушаютъ ее мѣста, гдѣ гр. Толстой превращается въ военнаго историка и въ доказательство правильности своихъ взглядовъ помѣщаетъ даже впереди текста планъ бородинскаго сраженія. Указываю на такое построеніе всего произведенія съ двоякою цѣлью: во-первыхъ, этимъ опредѣляется отношеніе философскаго трактата къ цѣлому въ «Войнѣ и мирѣ», какъ не исчерпывающаго въ отвлеченной формѣ всего содержанія произведенія по связи этого трактата только съ однимъ историческимъ элементомъ «Войны и мира»; во-вторыхъ, отказывая произведенію въ техническомъ единствѣ, я имѣю въ виду вскрыть это механическое цѣлое, чтобы обнаружить въ его основѣ единство другого рода, единство внутреннее, его самую общую концепцію, то, что комментаторы Данте по отношенію къ «Божественной Комедіи» очень характерно называли «idea madre».

Представьте себѣ, что гр. Толстой построилъ «Войну и миръ» по другому, болѣе совершенному съ формаль-

ной стороны плану, и что планъ этотъ былъ бы такой. Говоря схематически, его произведеніе оказывается въ расположеніи трехъ указанныхъ выше элементовъ вытянутымъ по прямой линіи: романъ переходитъ въ исторію, исторія—въ философію, и послѣдняя съ первымъ составляютъ два полюса; но не ограничься гр. Толстой въ своихъ отвлеченныхъ разсужденіяхъ одной историческою жизнью, а дай въ нихъ мѣсто и вопросу о жизни личной, столь богато и разнообразно воспроизведенной въ семейной хроникѣ, и свяжи онъ эту расширенную философію съ романомъ переходными мѣстами,—сближеніе двухъ полюсовъ превратило бы прямую линію въ замкнутый въ себѣ циклъ романа, переходящаго въ исторію, исторіи, приводящей къ философіи, и философіи, опять соприкасающейся съ романомъ. Вотъ въ центрѣ воображаемаго цикла и помѣщалась бы основная идея цѣлаго, носительница его внутренняго единства. Конечно, формулировать эту идею въ немногихъ словахъ такое построеніе «Войны и мира», пожалуй, и не облегчило бы, но она выступала бы рельефнѣе и сама давалась бы въ руки, — эта центральная идея. А она именно существуетъ и при теперешнемъ несовершенномъ архитектоническомъ планѣ «Войны и мира»: есть здѣсь одна мысль, къ которой не даромъ же не разъ возвращается гр. Толстой, и эта, а не другая какая-либо мысль, имѣетъ право на значеніе центральной идеи всего произведенія. «Жизнь, — говоритъ, во-первыхъ, гр. Толстой,—*настоящая* жизнь людей съ своими *существенными* интересами здоровья, болѣзни, труда, отдыха, съ своими интересами мысли, науки, поэзіи, музыки, любви, дружбы, ненависти, страстей, шла, *какъ и всегда*, независимо и внѣ политической близости и вражды съ Наполеономъ и *внѣ всевозможныхъ пре-*

образованій (III, 1—2)... Есть двѣ стороны жизни въ *каждомъ* человѣкѣ,—замѣчаетъ онъ, во-вторыхъ:—жизнь *личная*, которая тѣмъ болѣе *свободна*, чѣмъ отвлеченнѣе ея интересы, и жизнь стихійная, *роевая*, гдѣ человѣкъ неизбѣжно исполняетъ *предписанные ему законы.* Человѣкъ *сознательно живетъ для себя*, но служитъ *безсознательнымъ орудіемъ* для достиженія историческихъ общечеловѣческихъ цѣлей» (IV, 5). «Какъ солнце и каждый атомъ эѳира,—читаемъ мы въ третьемъ мѣстѣ,—есть шаръ законченный въ самомъ себѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ только атомъ недоступнаго человѣку по огромности цѣлаго,—такъ и каждая личность *носитъ въ себѣ свои цѣли* и между тѣмъ носитъ ихъ для того, чтобы *служитъ недоступнымъ человѣку цѣлямъ общимъ*» (VI, 165). Въ приведенныхъ словахъ, по моему мнѣнію, и заключается «idea madre» «Войны и мира»: это произведеніе гр. Толстого есть, такъ сказать, историческая поэма на философскую тему о двойственности человѣческой жизни; въ немъ гр. Толстой изображаетъ обѣ эти жизни, иллюстрируя свою мысль на фиктивныхъ и фактическихъ примѣрахъ переплетающихся между собою семейной хроники и національной эпопеи, но переводя на отвлеченный языкъ философіи только часть всей своей мысли, т.-е. свой взглядъ на жизнь историческую. Все въ «Войнѣ и мирѣ», не относящееся прямо къ философіи въ формѣ трактата, мы раздѣлили съ внѣшней стороны на романъ и исторію, т.-е. на вымыселъ и правду, но со стороны внутренней нужно принять тутъ другое дѣленіе: гр. Толстой изобразилъ здѣсь человѣческую личность въ разныхъ ея модификаціяхъ, пользуясь одинаково образами, созданными его чисто-поэтическимъ творчествомъ, и историческими фигурами, воспроизведенными на основаніи опредѣлен-

ныхъ фактическихъ данныхъ, и представилъ въ рядѣ картинъ историческое движенiе международной борьбы, выводя безразлично на сцену и дѣйствительно существовавшихъ людей, и лица, родившiяся въ его собственной творческой фантазiи. Другими словами, романъ и исторiя—двѣ формы, подъ каждою изъ которыхъ скрывается одно и то же, хотя и двойственное содержанiе, т.-е. изображенiе человѣческой личности и историческаго движенiя въ ихъ взаимныхъ отношенiяхъ. Внѣшнее соединенiе переплетающихся между собою романа и исторiи, семейной хроники и нацiональной эпопеи основано въ «Войнѣ и мирѣ» на представленiи участiя въ событiяхъ всѣхъ людей, а не однихъ такъ-называемыхъ историческихъ лицъ, и на представленiи влiянiя событiй на личную жизнь и личную судьбу этихъ самыхъ людей, а не на однѣ нацiи, государства, политическiя системы и т. п., взятыя въ отвлеченiи отъ реальныхъ человѣческихъ существъ. Если самый замыселъ дать въ одномъ произведенiи синтезъ поэзiи, исторiи и философiи слѣдуетъ признать однимъ изъ самыхъ крупныхъ явленiй во всей нашей литературѣ, то еще болѣе грандiозной представляется намъ та общая философская мысль, которую положилъ гр. Толстой въ основу своей исторической поэмы, какъ бы мы ни относились къ выводамъ, дѣлаемымъ гр. Толстымъ изъ этой мысли.

Въ исторiи человѣкъ является существомъ активнымъ и пассивнымъ: онъ дѣйствуетъ въ исторiи, и исторiя дѣйствуетъ на него. Въ своей великолѣпной исторической композицiи гр. Толстой изображаетъ оба эти дѣйствiя съ той точки зрѣнiя, съ какой самъ смотритъ на историческую жизнь вообще, и установленiе этой точки зрѣнiя, развитiе возникающихъ изъ основнаго взгляда

положеній и составляетъ содержаніе его историко-философскаго трактата. Представить человѣка, какъ активное и пассивное существо исторіи,—задача, достойная писателя, который хотѣлъ выступить въ одномъ и томъ же произведеніи и въ качествѣ художника, и въ качествѣ мыслителя, и которому потому предстояло коснуться интереснѣйшихъ проблемъ психологіи и соціологіи. Посмотримъ, какъ гр. Толстой справился съ этой задачей.

Дѣйствіе исторіи на человѣка бываетъ вообще двоякаго рода: одно способно заинтересовать психолога, другое—соціолога; первое состоитъ въ непосредственномъ вліяніи событій на человѣческую душу, такъ сказать, во вторженіи во внутренній міръ человѣка; второе заключается въ томъ, что историческое движеніе пересоздаетъ формы общественной жизни, коими опредѣляется извнѣ вся жизнь личности. Гр. Толстой съ большимъ успѣхомъ выполнилъ свою задачу, какъ психологъ: начиная съ художественнаго пріема описывать событія по производимымъ ими впечатлѣніямъ на лицъ, въ нихъ дѣйствующихъ,—такъ онъ описываетъ шенграбенское или аустерлицкую битву по впечатлѣніямъ князя Андрея или Николая Ростова, изображаетъ пріѣздъ императора Александра въ Москву въ волненіяхъ Пети,—и кончая самимъ содержаніемъ «Войны и мира», заключающимся, въ значительной степени, въ воспроизведеніи процесса внутренняго перерожденія личности подъ сложнымъ и разнообразнымъ вліяніемъ цѣлаго ряда событій, гр. Толстой мастерски справился съ этой субъективной стороной историческаго движенія, съ личными впечатлѣніями отъ событій, переходящими и въ мотивы личной дѣятельности внѣ замкнутыхъ предѣловъ чисто индивидуальнаго бытія. Тутъ гр. Толстой проникаетъ въ самую глубь взаимодѣйствія между личностью и исторіей,

составляющаго суть процесса движущейся общественной жизни [1]). И эта личность въ своемъ пассивномъ и активномъ отношеніи къ исторіи выступаетъ у него въ громадномъ количествѣ человѣческихъ экземпляровъ,— историческихъ фигуръ и вымышленныхъ лицъ, политическихъ дѣятелей и частныхъ людей,—экземпляровъ, такъ сказать, индивидуальныхъ, съ обстоятельной характеристикой каждаго, и экземпляровъ массовыхъ въ родѣ мужиковъ, сжигающихъ сѣно, чтобы оно не досталось врагу, или бѣгущихъ солдатъ, видъ которыхъ вызываетъ у Кутузова энергичное восклицаніе: «мерзавцы»! Оставляя въ сторонѣ созерцаніе исторіи со всѣми его послѣдствіями для внутренней жизни человѣка, какъ фактъ чисто личнаго бытія, пока это созерцаніе не вызываетъ человѣка къ дѣятельности, гр. Толстой въ своей исторической философіи разсматриваетъ вопросъ о дѣйствіи человѣка въ исторіи и вмѣстѣ съ этимъ переходитъ на почву соціологіи. Но дѣйствіе исторіи на человѣка состоитъ не въ одномъ непосредственномъ вліяніи событій на душу, на внутренній міръ личности: личная жизнь обусловлена извѣстными соціальными формами, измѣняющимися путемъ историческаго процесса; отъ этихъ формъ, отъ всего уклада общественной жизни зависятъ полнота, свобода и благополучіе личнаго бытія, и представить дѣйствіе исторіи на человѣка съ этой стороны есть задача соціолога. Но гр. Толстой здѣсь-то и допускаетъ громадный пробѣлъ въ своей исторической философіи: по его словамъ, какъ мы видѣли, настоящая жизнь людей съ своими существенными интересами идетъ всегда независимо и внѣ всевозмож-

---

[1]) См. мои „Основные вопросы философіи исторіи". С.-Пб. 1887. II, 263 и слѣд.

ныхъ преобразованій (III, 1—2), какъ будто формы общественной жизни безразличны по отношенію къ существеннымъ интересамъ индивидуальнаго бытія, требующимъ удовлетворенія. Какое капитальное значеніе имѣетъ этотъ пунктъ во всей исторической философіи «Войны и мира»—мы еще увидимъ.

Мы привели выше три мѣста изъ «Войны и мира», въ которыхъ выражена основная концепція всего произведенія: это—мысль о двойственности человѣческой жизни. Въ этой концепціи мы обнаружили существенный пробѣлъ: гр. Толстой игнорируетъ соціологическую сторону исторіи, «всевозможныя преобразованія», какъ онъ выражается, которыя будто бы безразличны для «настоящей» жизни. Во второмъ изъ приведенныхъ мѣстъ, выражающихъ общую концепцію «Войны и мира», сказано, что упомянутая двойственность существуетъ въ жизни *каждаго* человѣка. Не даромъ поэтому гр. Толстой заставляетъ принимать участіе въ историческихъ событіяхъ лица, созданныя его творческой фантазіей, и вводитъ въ ряды обыкновенныхъ смертныхъ, въ одинъ человѣческій ростъ съ ними, чисто историческія фигуры: участіе въ исторіи не есть привилегія однихъ героевъ. двойственность жизни присуща каждому человѣку. На этомъ гр. Толстой даже особенно настаиваетъ. «До тѣхъ поръ,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своихъ разсужденій,—до тѣхъ поръ, пока пишутся исторіи отдѣльныхъ лицъ,—будь они Кесари, Александры или Лютеры и Вольтеры,—а не исторіи *всѣхъ*, безъ одного исключенія, всѣхъ людей, принимающихъ участіе въ событіи, нѣтъ никакой возможности описывать движеніе человѣчества безъ понятія о силѣ, заставляющей людей направлять свою дѣятельность къ одной цѣли» (VI, 243). Отвѣчая на вопросъ объ этой силѣ, онъ находитъ, что «движе-

ніе народовъ производитъ не власть, не умственная дѣятельность, даже не соединеніе того и другого, какъ то думали историки,, но дѣятельность *всѣхъ* людей, принимающихъ участіе въ событіи» (VI, 264). Мы согласимся съ гр. Толстымъ, что съ такой точки зрѣнія «непосредственно уловить и обнять,—словомъ, описать жизнь не только человѣчества, но одного народа представляется невозможнымъ» (VI, 231), ибо «жизнь народовъ не вмѣщается въ жизнь нѣсколькихъ людей» (VI, 252). Какъ же поступаетъ самъ гр. Толстой въ описаніи взятаго имъ историческаго движенія? Съ одной стороны, онъ выводитъ на сцену нѣсколькихъ людей, о которыхъ говорятъ историки, съ другой—еще нѣкоторыхъ людей, созданныхъ его воображеніемъ, но эти нѣкоторые люди въ его изображеніи дѣлаются типическими представителями всѣхъ другихъ, одновременно принимающихъ участіе въ событіи. «Движеніе русскаго народа на востокъ, въ Казань и Сибирь выражается ли въ подробностяхъ больного характера Ивана IV-го и его переписки съ Курбскимъ?» —спрашиваетъ гр. Толстой въ поясненіе своей мысли о томъ, что жизнь народовъ не вмѣщается въ жизнь нѣсколькихъ лицъ. Конечно, нѣтъ; но движеніе русской народной массы на востокъ можно до нѣкоторой степени обобщить въ біографіяхъ одного какого-либо человѣка или нѣсколькихъ лицъ, уходившихъ въ Казань и Сибирь, и въ сущности то же самое дѣлаетъ гр. Толстой въ «Войнѣ и мирѣ», замѣняя всѣхъ русскихъ людей, принимавшихъ участіе въ событіяхъ, нѣсколькими типическими представителями, играющими роль въ романѣ или случайно появляющимися въ историческихъ описаніяхъ. Онъ протестуетъ противъ стараго пріема историковъ «разсматривать дѣйствія одного человѣка, царя, полководца, какъ сумму произволовъ людей, тогда какъ

сумма произволовъ людскихъ никогда не выражается въ дѣятельности одного историческаго лица» (V, 2)—и рекомендуетъ другой способъ: «только,—говоритъ онъ, допустивъ безконечно малую единицу для наблюденія—дифференціалъ исторіи, т.-е. однородныя влеченія людей, и достигнувъ искусства интегрировать (брать суммы этихъ безконечно малыхъ), мы можемъ надѣяться на постигновеніе законовъ исторіи» (V, 3). Такъ и поступилъ гр. Толстой въ «Войнѣ и мирѣ»: онъ старался принять въ расчетъ однородныя влеченія всѣхъ людей, участвовавшихъ въ событіяхъ, а результатомъ того, что онъ называетъ интеграціей, были выведенныя имъ лица, суммирующія въ нѣсколькихъ образахъ массы индивидуумовъ, однородныхъ по характеру или общественному положенію, однородныхъ на протяженіи всей своей жизни или въ отдѣльные моменты, подъ вліяніемъ чувства страха, переходящаго въ панику, негодованія при видѣ оскорбленной народной святыни и т. п. Въ концѣ концовъ, у гр. Толстого дѣйствуютъ всѣ, хотя онъ показываетъ намъ только нѣкоторыхъ, и какъ искусно заставилъ онъ дѣйствовать вмѣстѣ людей, дѣйствительно существовавшихъ, и лица, рожденныя его творческимъ воображеніемъ! Онъ съ большимъ успѣхомъ отказался отъ традиціи стараго историческаго романа, грѣшившаго противъ правды двоякимъ образомъ: старый историческій романъ или выводилъ на первомъ планѣ настоящія историческія фигуры на ихъ героическомъ пьедесталѣ, сочиняя о нихъ разныя небылицы и выдумывая цѣлыя событія, или же заставлялъ дѣйствительныя событія совершаться исключительно вслѣдствіе вмѣшательства въ исторію вымышленныхъ героевъ, являвшихся въ рѣшительныя минуты, чтобы принять участіе въ событіяхъ и сдѣлать въ ихъ ходѣ цѣлый переворотъ. У гр. Толстого

историческій фактъ представляется безъ искажающихъ прикрасъ, а вымыселъ не возводится на степень историческаго факта, рѣшившаго судьбу событія.

Умѣя понять разнообразіе мотивовъ, которые заставляютъ всѣхъ людей принимать участіе въ исторіи, гр. Толстой и здѣсь допустилъ, однако, пробѣлъ и притомъ весьма существеннаго свойства: разъ онъ отнесся къ соціологической сторонѣ исторіи, къ измѣненію культурно-соціальныхъ формъ или «всевозможнымъ преобразованіямъ», по его собственному выраженію, какъ къ дѣлу безразличному для настоящей жизни, онъ долженъ былъ и ту часть человѣческой дѣятельности, которая направлена на эту сторону жизни, подвергнуть нѣкоторому остракизму. Гр. Толстой доходитъ далѣе до утвержденія, будто сознательное стремленіе къ общему благу путемъ преобразованія формъ жизни даже совсѣмъ невозможно: «для человѣка, не одержимаго страстью,—говоритъ онъ, напр.,—bien public никогда неизвѣстно; но человѣкъ, совершающій преступленіе, всегда вѣрно знаетъ, въ чемъ состоитъ это благо». Не мы первые отмѣчаемъ, что вообще гр. Толстой, и не въ «Войнѣ и мирѣ» только, даже очень несимпатично относится къ общественнымъ дѣятелямъ всякаго рода, и если въ «Войнѣ и мирѣ» масса людей принимаетъ участіе въ исторіи, то подъ вліяніемъ стихійной силы чувства; историческое движеніе подъ вліяніемъ идеи о bien public съ такой точки зрѣнія должно являться полнѣйшей загадкой, и было бы очень любопытно посмотрѣть, какъ справился бы гр. Толстой съ своей исторической задачей въ «Декабристахъ», писать которыхъ онъ начиналъ. Отсюда понятенъ и такой выводъ изъ общей концепціи гр. Толстого: «только одна безсознательная дѣятельность, — говоритъ онъ, — приноситъ

плоды; и человѣкъ, играющій роль въ историческомъ событіи, никогда не понимаетъ его значенія». Если такъ, то остается только объявить совокупность всѣхъ общественныхъ и историческихъ дѣятелей за простыя орудія исторіи, не вѣдающія, что̀ творятъ, а въ эту категорію войдутъ всѣ, которыя въ той или другой формѣ направляютъ свою дѣятельность къ общественнымъ цѣлямъ. Такъ гр. Толстой и дѣлаетъ, заявляя въ мѣстахъ, приведенныхъ мною и заключающихъ его основную мысль,—что въ исторической жизни человѣкъ есть безсознательное, несвободное орудіе чего-то роковаго. Вотъ почему и въ своей исторической философіи гр. Толстой ни единымъ словомъ не обмолвился о содержаніи историческаго движенія, какъ измѣненія общественныхъ формъ, ограничившись вопросомъ о простомъ механизмѣ этого движенія, столь, по его мнѣнію, безразличнаго для «настоящей», по его опредѣленію, т.-е. личной жизни. Послѣдняя, кромѣ того, представляется ему, какъ мы опять-таки видѣли, въ одномъ изъ приведенныхъ мѣстъ (V, 5), наиболѣе свободной, тогда какъ въ жизни исторической «человѣкъ,—по его словамъ,—неизбѣжно исполняетъ предписанные ему законы», т.-е. дѣйствуетъ совершенно фатально. Послѣ всего сказаннаго, мы надѣемся, каждый согласится съ нами, что въ выбранныхъ нами трехъ мѣстахъ, дѣйствительно, заключается основная идея всего произведенія, которою опредѣляется и содержаніе, и характеръ самой исторической философіи «Войны и мира». Разбору этой философіи мы думаемъ, однако, предпослать нѣсколько указаній на то, что, не касаясь содержанія идей гр. Толстого, мы обнаруживаемъ въ трехъ главныхъ элементахъ его произведе-

нія—въ романѣ, исторіи и философіи—одну и ту же реалистическую тенденцію.

II. Историческій и философскій реализмъ и соціальный индифферентизмъ въ „Войнѣ и мирѣ“.

Мы не будемъ, разумѣется, останавливаться на художественномъ реализмѣ гр. Толстого: это, во-первыхъ, отвлекло бы насъ отъ главной нашей темы, а во-вторыхъ, тутъ пришлось бы повторять только истины, сдѣлавшіяся общими мѣстами. Интереснѣе посмотрѣть, какъ проявился реализмъ гр. Толстого въ области исторіи и исторической философіи.

Реализму обыкновенно противополагаютъ идеализмъ, и очень часто сущность перваго опредѣляютъ этимъ противоположеніемъ. Но, намъ кажется, тутъ существуетъ нѣкоторое недоразумѣніе, нерѣдко спутывающее понятія, потому что подъ идеализмомъ разумѣютъ иногда три разныя понятія [1]). Первый смыслъ *идеализма*, говоря коротко, относится къ творчеству идеаловъ, т.-е. идей того, *что̀ должно быть*, какъ реализмъ имѣетъ отношеніе къ вѣрному воспроизведенію того, *что есть на самомъ дѣлѣ*. Одно другому не противорѣчитъ, и одна изъ особенностей русской литературы вообще и произведеній гр. Толстого въ частности заключается въ такомъ сочетаніи реализма съ идеализмомъ, при которомъ существующее на самомъ дѣлѣ не смѣшивается съ долженствующимъ существовать, и въ воспроизводимой жизни усматривается не одна голая «натура», но и стремленіе къ идеалу,—чѣмъ нашъ

[1]) Подробнѣе см. въ „Осн. вопр. фил. ист.“, I, 190 и слѣд.

реализмъ такъ выгодно и отличается отъ французскаго натурализма. Послѣднiй отнимаетъ у человѣческой жизни цѣлую сторону ея содержанiя, но бываютъ направленiя, сообщающiя этой жизни болѣе, чѣмъ она на самомъ дѣлѣ представляетъ: это будетъ уже *идеализацiя*, т.-е. воспроизведенiе дѣйствительности не такъ, какъ она есть, а извѣстнымъ образомъ прикрашенное, съ нѣкоторой подмалевкой, приближающей представленiя о томъ, что̀ есть, къ идеальнымъ и, слѣдовательно, недѣйствительнымъ ὀбразамъ. Поэтическая идеализацiя ведетъ свое начало изъ временъ миѳологiи, въ которой впервые извѣстные идеалы воплотились въ ὀбразахъ боговъ, полубоговъ, героевъ, богатырей и вообще существъ, одаренныхъ нечеловѣческими свойствами по части физической силы, совершенствъ всякаго рода и нравственнаго величiя, какихъ на самомъ дѣлѣ не бываетъ. Закваска идеализацiи присуща обоимъ главнымъ направленiямъ европейской литературы, классическому и романтическому, какъ въ ихъ изначальной формѣ въ древности и въ среднiе вѣка, такъ и въ ихъ новой формѣ псевдоклассицизма и нео-романтизма съ ихъ условными правилами, — и современный нѣмецкiй романъ, въ сравненiи съ русскимъ, все еще носитъ слѣды идеализирующей подмалевки дѣйствительности. Исторiографiя, особенно популярная, въ этомъ отношенiи всегда подчинялась господствующимъ литературнымъ вкусамъ: и въ ней можетъ быть обнаруженъ своего рода классическiй стиль или своего рода романтическая манера идеализацiи историческихъ лицъ и событiй. Трезвое отношенiе къ явленiямъ прошлаго, безъ попытокъ ставить ихъ на классическiй пьедесталъ героизма или окружать романтическимъ ореоломъ совершенства, и есть реализмъ въ исторiографiи. Новая русская литература развивалась подъ

вліяніемъ западно-европейскихъ образцовъ въ эпоху господства сначала лже-классицизма, а потомъ ново-романтизма, и первые шаги ея по пути самостоятельности ознаменовались освобожденіемъ отъ идеализаціи дѣйствительности: русскій реализмъ не былъ выдуманъ теоретически, онъ не дошелъ до крайностей натурализма являющагося во Франціи реакціей идеализаціи, и съумѣлъ дать въ романѣ законное мѣсто идеализму, обходясь безъ идеализаціи, столь еще замѣтной въ романѣ нѣмецкомъ. Итакъ, реализмъ противоположенъ не чему иному, какъ именно идеализаціи, которая одинаково можетъ встрѣчаться какъ въ области поэзіи, такъ и въ области исторіографіи. Если отъ способа проявленія русскаго ума въ романѣ позволительно сдѣлать заключеніе о томъ, каково будущее русской самостоятельной философіи, то нужно признать, что ей предстоитъ быть также реалистической—безъ изгнанія идеализма и изъ этой сферы, съ отнесеніемъ идеализма къ творчеству идеаловъ. Реализму здѣсь мы противополагаемъ *идеологію*, т.-е. такое отношеніе мышленія къ идеямъ или общимъ понятіямъ, при которомъ послѣднія, будучи въ сущности продуктами нашего логическаго творчества, вмѣсто того, чтобы служить намъ средствомъ разбираться въ реальныхъ явленіяхъ, сами заступаютъ ихъ мѣсто передъ нашею мыслью. Начало свое идеологія ведетъ изъ миѳическаго олицетворенія отвлеченныхъ понятій, когда, напр., храбрость или добродѣтель мыслили какъ нѣкія реальности, а не обобщенія нашего ума, и эта идеологія лежитъ въ основѣ старой схоластической и метафизической философіи, замѣнявшей міръ реальныхъ явленій міромъ абстрактныхъ понятій. Примѣняя сказанное объ идеализаціи къ исторіи въ «Войнѣ и мирѣ», а сказанное объ идеологіи—къ исторической философіи въ этомъ произ-

веденіи, мы найдемъ, что и тутъ гр. Толстой, какъ и въ романѣ, выступаетъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ тенденціяхъ, настоящимъ реалистомъ: съ этой точки зрѣнія «Война и миръ» особенно замѣчательны, какъ произведеніе, въ которомъ проведена одна и та же реалистическая тенденція въ областяхъ поэзіи, исторіографіи и философіи, хотя, какъ мы увидимъ, оно и страдаетъ неполнотой своего идеализма. На доказательствѣ своей мысли относительно историческихъ описаній гр. Толстого долго останавливаться не станемъ, но реализмъ его философіи заслуживаютъ болѣе внимательнаго разсмотрѣнія.

Художникъ превращается въ ученаго, романистъ дѣлается историкомъ, и мы въ полномъ правѣ ожидать, что общіе пріемы, употреблявшіе имъ въ одной области, сохранятся и въ другой: не можетъ же одинъ и тотъ же человѣкъ покланяться разнымъ богамъ, до такой степени раздваиваться, чтобы оставлять свои реалистическія привычки при переходѣ отъ поэзіи къ исторіографіи. Примѣръ гр. Толстого подтверждаетъ этотъ тезисъ: историческая часть «Войны и мира» чужда изображенія героевъ въ классическомъ стилѣ, романтической манеры идеализированія событій; историческія лица превращаются у автора изъ полубоговъ въ обыкновенныхъ смертныхъ, событія представляются во всей своей реальной правдѣ. Всякая идеализація есть внесеніе въ дѣйствительность нѣкоторыхъ чертъ, въ ней не обрѣтающихся; а такое внесеніе въ исторію не-реальнаго содержанія прежде всего выражается въ представленіи героя, какъ богоподобнаго или пользующагося сверхъестественною властью существа. «Всѣ древніе историки, — говоритъ гр. Толстой, — употребляли одинъ и тотъ же пріемъ, чтобы описать и уловить кажущуюся неуловимой жизнь народа. Они описывали жизнь единичныхъ людей, пра-

вящихъ народомъ, и эта дѣятельность выражала для нихъ дѣтельность всего народа. На вопросы о томъ, какимъ образомъ единичные люди заставляли дѣйствовать народъ по своей волѣ, и чѣмъ управлялась сама воля этихъ людей, древніе отвѣчали на первый вопросъ—признаніемъ воли божества, подчинявшей народы волѣ одного избраннаго человѣка, а на второй вопросъ—признаніемъ того же божества, направлявшаго эту волю избраннаго къ предназначенной цѣли» (VI, 231). Указавъ на то, что позднѣйшая исторіографія отвергла такое представленіе о герояхъ въ теоріи, гр. Толстой отмѣчаетъ тотъ фактъ, что на практикѣ историки только видоизмѣнили сущность стараго воззрѣнія: «вмѣсто людей, — говоритъ онъ, — одаренныхъ божественною властью или непосредственно руководимыхъ волею божества, новая исторія поставила или героевъ, одаренныхъ необыкновенными, нечеловѣческими способностями, или просто людей самыхъ разнообразныхъ свойствъ, отъ монарховъ до журналистовъ, руководящихъ массами... Новая исторія отвергла вѣрованія древнихъ, не поставивъ на мѣсто ихъ новаго воззрѣнія и логика положенія заставила историковъ, мнимо отвергшихъ божественную власть царей, *другимъ путемъ придти къ тому же самому*» VI, 232). Не касаясь вопроса о томъ, какъ самъ гр. Толстой смотритъ на дѣло и о чемъ рѣчь будетъ идти еще впереди, въ приведенныхъ словахъ мы видимъ протестъ реалиста противъ идеализаціи историческихъ дѣятелей, встрѣчающейся и въ теоріи,—напр., въ извѣстномъ сочиненіи Карлейля «О герояхъ»,—и на практикѣ, въ біографическихъ панегирикахъ или историческихъ трудахъ, приписывающихъ одному какому-либо лицу гигантскіе размѣры, въ сравненіи съ окружающими его людьми, въ родѣ того, какъ это бываетъ

на лубочныхъ изображеніяхъ полководцевъ. Въ своей исторіи гр. Толстой приводитъ идеализированныхъ героевъ къ реальнымъ размѣрамъ человѣка, хотя, какъ мы увидимъ, въ своей теоріи онъ не понимаетъ дѣйствительнаго значенія тѣхъ лицъ, которыя всегда напрашивались на идеализированіе, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ указаннаго преувеличенія.

Не будемъ мы говорить и о томъ, съ какою реальностью изображаетъ гр. Толстой событія, не стараясь вносить въ нихъ ничего такого, что сообщило бы имъ такъ сказать, просвѣтленный, но въ сущности фальшивый видъ. Историки,—и простые, и особенно философствующіе,—весьма склонны поддаваться націоналистическимъ увлеченіямъ, возвеличивать свое на счетъ чужого и приписывать исторіи своего народа особое значеніе, въ чемъ равнымъ образомъ заключается своеобразная идеализація, съ какою, напр., Гегель въ своей «Философіи исторіи» смотрѣлъ на нѣмецкую исторію, какъ на высшую цѣль и послѣдній фазисъ въ развитіи «мірового духа» [1]. У гр. Толстого нѣтъ ни малѣйшаго поползновенія идеализировать ни тѣ явленія, которыя онъ описываетъ, ни общій характеръ нашей исторіи, возводя послѣднюю на степень мистической идеи. «Войну и миръ» упрекали даже въ отсутствіи патріотизма въ силу несовсѣмъ вѣрнаго пониманія «любви къ отечеству и народной гордости» [2], хотя другіе, навязывая гр. Толстому свои тенденціи, доказывали, что онъ—націоналистъ въ ихъ вкусѣ [3]. Гр. Толстой несочувственно

[1] См. также въ «Осн. вопр. фил. ист.», I, 76 и 216.

[2] *А. С. Норовъ*. «Война и миръ» (1805—1812) съ исторической точки зрѣнія и по воспоминаніямъ современника. Спб. 1868.

[3] *Н. Страховъ*. Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ. Спб. 1885.

относится къ націоналистическому субъективизму, источнику многихъ видовъ идеализаціи историческаго представленія. «Какъ скоро,—говоритъ онъ,—историки различныхъ національностей начинаютъ описывать одно и то же событіе, то сила (производящая событіе) понимается различно... Одинъ историкъ утверждаетъ, что событіе произведено властью Наполеона; другой утверждаетъ, что оно произведено властью Александра» (VI 237). Въ другомъ мѣстѣ онъ указываетъ на то, что, «вмѣсто прежнихъ угодныхъ божеству цѣлей народовъ—іудейскаго, греческаго, римскаго, которыя древнимъ представлялись цѣлями движенія человѣчества, новая исторія поставила свои цѣли—блага французскаго, германскаго, англійскаго» (VI, 232), и именно, прибавимъ мы, въ этомъ случаѣ каждый идеализируетъ исторію своего народа. Историческому реализму, въ этомъ отношеніи называющемуся объективизмомъ, враждебенъ не только субъективизмъ націоналистическій, но и то, что можно обозначить, какъ субъективизмъ партійный и профессіональный [1]). Гр. Толстой высказывается и противъ послѣднихъ, какъ источниковъ идеализаціи. Онъ отмѣчаетъ, что «Тьеръ, бонапартистъ, говоритъ, что власть Наполеона была основана на его добродѣтели и геніальности; Lanfrey, республиканецъ, говоритъ, что она была основана на его мошенничествѣ и обманѣ народа» (VI, 237). Въ другомъ мѣстѣ, критикуя односторонній взглядъ, представляющій умственную дѣятельность людей причиной или выраженіемъ всего историческаго движенія,—взглядъ, преувеличивающій реальное значеніе писателей, гр. Толстой очень остроумно и въ сущности вѣрно указываетъ на происхожденіе такого воззрѣнія. «Исторія пишется

---

[1]) Примѣры въ «Осн. вопр. фил. ист.», I, 222 и слѣд.

учеными,—говоритъ онъ,—и потому имъ естественно и пріятно думать, что дѣятельность ихъ сословія есть основаніе движенія всего человѣчества, точно такъ же, какъ это естественно и пріятно думать купцамъ, земледѣльцамъ, солдатамъ; это не высказывается только потому, что купцы и солдаты не пишутъ исторіи» (VI, 241). Историческая и историко-философская литература представляетъ массу примѣровъ разнообразнаго проявленія субъективизма націоналистическаго, партійнаго и профессіональнаго, противнаго историческому реализму, и подобныя замѣчанія гр. Толстого попадаютъ въ цѣль. Наконецъ, особый видъ идеализаціи *всей* исторіи представляетъ изъ себя оптимистическое признаніе ея разумной планомѣрности, зародившееся на почвѣ провиденціализма, [2]) и, протестуя вообще противъ внесенія въ исторіографію такой концепціи (VI, 234 и 245). гр. Толстой находитъ такое возраженіе противъ привычки идеализировать исторію, оправдывая данный ходъ событій въ виду какой-либо цѣли, этимъ событіямъ навязываемой: «если, — говоритъ онъ,— цѣль европейскихъ войнъ начала нынѣшняго столѣтія состояла въ величіи Россіи, то эта цѣль могла быть достигнута безъ предшествовавшихъ войнъ и нашествія. Если цѣль—величіе Франціи, то эта цѣль могла быть достигнута и безъ революціи, и безъ имперіи. Если цѣль—распространеніе идей, то книгопечатаніе исполнило бы это лучше, чѣмъ солдаты. Если цѣль—распространеніе цивилизаціи, то весьма легко предположить, что, кромѣ истребленія людей и ихъ богатствъ, есть другіе, болѣе цѣлесообразные пути для распространенія цивилизаціи» (VI, 155). Изгоняя изъ историческаго пред-

---

[2]) См. тамъ же, I, 55 и слѣд.

ставленія разныя формы идеализаціи реально-существующаго, гр. Толстой, однако, не ушелъ отъ своего личнаго субъектизма, проявившагося, какъ мы увидимъ, въ его соціальномъ индифферентизмѣ, съ которымъ, конечно, трудно философски понять реально совершающуюся исторію. Въ связи съ этимъ стоитъ его идеализація безсознательной жизни. На эту сторону мы теперь и укажемъ, ссылаясь на слова самого гр. Толстого, но прежде нужно разсмотрѣть его отношеніе къ тому, что мы назвали идеологіей.

Вопросъ идетъ о реальной силѣ, производящей историческія явленія. Нѣкоторые историки видятъ эту силу во власти, но сама по себѣ власть есть отвлеченное понятіе, обобщающее массу реальныхъ отношеній, и, какъ таковое, не можетъ быть принято за какую-то силу, производящую историческое движеніе, относящуюся къ явленіямъ, какъ причина. Это понятіе вполнѣ примѣнимо во всей своей отвлеченности къ умозрительнымъ наукамъ, но въ области исторіи, имѣющей дѣло съ реальными фактами, нельзя за причину считать то, что есть только отвлеченное понятіе. «Наука права,—говоритъ гр. Толстой,—разсматриваетъ государство и власть, какъ древніе разсматривали огонь, *какъ что-то абсолютно существующее.* Для исторіи же государство и власть суть *только явленія*, точно такъ же, какъ для физики нашего времени огонь есть не стихія, а явленіе» (VI, 246). Отрицая возможность вмѣщать жизнь народовъ въ жизнь нѣсколькихъ людей, онъ указываетъ на то, что «связь между этими нѣсколькими людьми и народами не найдена». «Теорія о томъ,—продолжаетъ онъ,—что связь эта основана на перенесеніи совокупности воль на историческія лица, *есть гипотеза, не подтверждающаяся опытомъ исторіи*... Въ приложеніи къ исто-

ріи, какъ только являются революціи, завоеванія, междоусобія,—теорія эта ничего не объясняетъ» (VI, 253). «Еслибы,—говоритъ и еще гр. Толстой,—область человѣческаго знанія ограничивалась однимъ отвлеченнымъ мышленіемъ, то, подвергнувъ критикѣ то объясненіе власти, которое даетъ наука, человѣчество пришло бы къ заключенію, что власть *есть только слово и въ дѣйствительности не существуетъ.* Но,—продолжаетъ онъ, — для познаванія явленій, *кромѣ отвлеченнаго мышленія, человѣкъ имѣетъ орудіе опыта*, на которомъ онъ повѣряетъ результаты мышленія» (VI, 254). Другими словами, для гр. Толстого отвлеченное понятіе есть *только слово*, если понятіе это, такъ сказать, не размѣнивается на реальныя явленія, не реализируется въ этомъ смыслѣ. «Наука права,—замѣчаетъ онъ,—можетъ разсказать подробно о томъ, что такое есть власть, *неподвижно существующая во времени* (т.-е. какъ отвлеченное понятіе), но на вопросы историческіе о видоизмѣняющейся во времени власти (т.-е. въ смыслѣ реальнаго явленія), она не можетъ отвѣтить ничего» (VI, 246—247). Поэтому онъ приходитъ къ такому выводу, что отвѣтъ, дѣлающій изъ отвлеченнаго понятія реальную силу, реальную причину явленій, есть только выраженіе, другими словами, вопроса, приводящее къ логическому «idem per idem». Онъ ставитъ рядъ вопросовъ и отвѣтовъ: «какая причина историческихъ явленій? —Власть.—Что есть власть?—Власть есть совокупность воль, перенесенныхъ на одно лицо.—При какихъ условіяхъ переносятся воли массъ на одно лицо?—При условіяхъ выраженія лицомъ воли всѣхъ людей. Т.-е. власть есть власть»,—выводитъ отсюда гр. Толстой (VI, 254). Теорія, принимающая власть единичнаго лица за причину событія, по его словамъ, «кажется неопровержи-

мой именно потому, что актъ перенесенія воль народа не можетъ быть провѣренъ, такъ какъ онъ никогда не существовалъ» (VI, 253), а потому въ объясненіи реальныхъ явленій силою, которая сама есть только отвлеченное понятіе, онъ видитъ только призрачное объясненіе. Въ pendant къ этому разсужденію можно поставить другое, именно то, гдѣ рѣчь идетъ о свободѣ воли. Признавая послѣднюю въ области наукъ умозрительныхъ, но не допуская объясненія историческихъ фактовъ, какъ произведенныхъ безпричинными актами воли (VI, 266), гр. Толстой находитъ, что «для разрѣшенія вопроса о томъ, какъ соединяются свобода и необходимость, и что составляетъ сущность этихъ двухъ понятій, философія исторіи можетъ и должна идти путемъ противнымъ тому, по которому шли другія науки: *вмѣсто того*,—поясняетъ онъ,—*чтобы, опредѣливъ въ самихъ себѣ понятія о свободѣ и необходимости, подъ составленныя опредѣленія подводить явленія жизни*, исторія изъ огромнаго количества *подлежащихъ ей явленій*, всегда представляющихся въ зависимости отъ свободы и необходимости, *должна вывести опредѣленія* понятій о свободѣ и необходимости» (VI, 272). Свобода воли есть отвлеченное понятіе, и,—говоритъ гр. Толстой—«для исторіи признаніе свободы, *какъ силы, могущей вліять на историческія событія*, т.-е. не подчиненной законамъ (причинности), уничтожаетъ возможность какого бы то ни было знанія» (VI, 285). Однимъ словомъ, гр. Толстой не вводитъ въ исторію отвлеченныхъ понятій въ качествѣ дѣйствующихъ въ ней силъ, не въ примѣръ многимъ философамъ исторіи: у него въ исторіи дѣйствуютъ только реальныя существа—*люди*, и они дѣйствуютъ не потому, чтобы были одарены особымъ качествомъ или заставлять себѣ повиноваться другихъ,

абсолютно безвольныхъ людей, или не подчиняться всеобщему закону причинности. Такимъ образомъ, гр. Толстой чуждъ идеализаціи и идеологіи, т.-е. выдачи своего идеала за реальный фактъ и отвлеченной идеи за реальную вещь (хотя и тутъ нужна оговорка: отвлеченное *понятіе* закона исторіи онъ, какъ увидимъ, превращаетъ въ реальную силу, подчиняющую себѣ волю единицы). Въ этомъ и состоитъ его историческій и философскій реализмъ, во имя котораго онъ не отрицаетъ, однако, значенія идей въ умозрѣніи и идеаловъ въ жизни, что̀ не позволяетъ его реализму спуститься въ низменныя сферы эмпиризма и натурализма.

Но въ идеализмѣ гр. Толстого есть весьма важный пробѣлъ. Наши идеалы раздѣляются вообще на личные и общественные, и самый идеализмъ бываетъ поэтому этическимъ и соціальнымъ; но разъ мы считаемъ себя въ правѣ говорить о *должномъ* въ одной сферѣ, нѣтъ никакихъ основаній изгонять творчество идеаловъ изъ другой. Считая возможнымъ ставить субъективныя цѣли личной жизни и съ ихъ точки зрѣнія оцѣнивать дѣйствительныя ея явленія, мы не можемъ отказываться отъ того же по отношенію къ жизни общественной, процессъ которой и есть исторія [1]). Конечно, одно дѣло—утверждать, что мы знаемъ, чѣмъ, такъ сказать, кончится исторія, и этотъ воображаемый конецъ принимать за цѣль всего ея движенія, а другое дѣло—желать, чтобы историческое движеніе было постепеннымъ осуществленіемъ идеала: гр. Толстой правъ, когда отрицаетъ знаніе цѣли исторіи въ первомъ смыслѣ, ибо постановка такой объективной цѣли есть внесеніе въ

---

[1]) Защиту субъективизма въ этомъ отношеніи см. въ указанномъ моемъ сочиненіи т. I, стр. 234 и слѣд.

будущую дѣйствительность созданнаго нашимъ воображеніемъ, но онъ глубоко заблуждается, отрицая цѣль исторіи и во второмъ, т.-е. субъективномъ смыслѣ. Я показалъ выше, что гр. Толстой игнорируетъ цѣлую сторону исторіи, и это стоитъ въ связи съ отсутствіемъ въ его міросозерцаніи идеала соціальнаго: *весь его идеализмъ исключительно этическій.*

Противникъ идеализаціи исторической дѣйствительности, представленія о совершенной разумности общаго хода исторіи, гр. Толстой высказывается рѣшительно противъ объективированной телеологіи (VI, 154) и не разъ категорически заявляетъ, что въ исторіи «конечная цѣль намъ неизвѣстна» (VI, 156), т.-е. онъ не тѣшитъ себя иллюзіей оптимистически настроенныхъ философовъ исторіи, для которыхъ все совершается въ виду такой-то, опредѣленной конечной цѣли. Но тутъ гр. Толстой заходитъ слишкомъ далеко: если отказъ отъ идеализаціи жизненныхъ явленій вообще не помѣшалъ ему творить идеалы личной этики, то такое же отношеніе онъ долженъ былъ сохранить и къ идеаламъ общественнымъ; если онъ позволяетъ себѣ произносить судъ надъ явленіями жизни съ точки зрѣнія идеала этическаго, то онъ долженъ былъ бы примѣнить къ оцѣнкѣ явленій и критерій идеала соціальнаго, понимаемаго въ широкомъ смыслѣ этого слова. Однако онъ этого не только не дѣлаетъ, но проявляетъ удивительный индифферентизмъ къ вопросамъ общественнымъ, поскольку послѣдніе имѣютъ свое самостоятельное содержаніе внѣ чистоморальныхъ вопросовъ. Напр., разсуждая объ истинномъ величіи, онъ находитъ, что нѣтъ его тамъ, гдѣ нѣтъ «простоты, добра и правды» (VI, 62): простота, добро и правда—одинъ изъ его идеаловъ личной жизни, и онъ, конечно, не согласился бы съ

тѣмъ, кто ему сказалъ бы, что это одни лишь «отвлеченія», да мы и не думаемъ говорить это, а указываемъ на то, что въ такомъ случаѣ нельзя признать простыми отвлеченіями идеалы общественные, какъ это дѣлаетъ гр. Толстой. Исходя изъ того, что объективная цѣль исторіи намъ неизвѣстна, онъ распространяетъ эту неизвѣстность и на область нашихъ субъективныхъ требованій отъ исторіи, иронизируя надъ мыслителями, видящими цѣль исторіи въ свободѣ, равенствѣ, просвѣщеніи (другой программы, кажется, нѣтъ,—замѣчаетъ онъ), ибо «ничѣмъ-де не доказано, чтобы цѣль человѣчества состояла въ свободѣ, равенствѣ, просвѣщеніи!» (VI, 251). Отсюда у него нѣтъ иного критерія для суда надъ исторіей, кромѣ исключительно этическаго идеала, съ точки зрѣнія котораго можно не одобрять извѣстныхъ лицъ и извѣстные поступки: вспомнимъ, напримѣръ, его строгій приговоръ, хотя бы надъ Наполеономъ. Онъ не допускаетъ, что «*такъ-называемая* наука имѣетъ для историческихъ лицъ и событій неизмѣримое мѣрило хорошаго и дурного» (VI, 154), хотя съ моральной точки зрѣнія самъ же видитъ въ простотѣ, добрѣ и правдѣ мѣрило величія отдѣльной личности. Онъ осмѣиваетъ историковъ, которые «профессируютъ знаніе конечной цѣли движенія человѣчества» (та же страница), считая идеи свободы, равенства, просвѣщенія пустыми отвлеченіями. Слышится, напримѣръ, въ его словахъ какой-то ироническій тонъ по поводу неодобренія историками реакціи послѣ низложенія Наполеона,—неодобренія «*на основаніи того знанія блага человѣчества*, которымъ они обладаютъ» (VI, 152). Правда, онъ ссылается на то, что «историкъ точно также по прошествіи нѣкотораго времени окажется несправедливымъ въ своемъ воззрѣніи на то, что есть благо че-

ловѣчества» (VI, 153), ибо «дѣятельность историческаго лица имѣла, кромѣ этихъ цѣлей (т.-е. вполнѣ доступныхъ указанію результатовъ), еще другія, болѣе общія и недоступныя намъ цѣли» (VI, 154), какъ будто исправленіе историческихъ приговоровъ не входитъ въ работу развивающейся науки; но причина скептицизма гр. Толстого не здѣсь: онъ иронически относится къ самой идеѣ bien public, потому что для него только личная жизнь есть «настоящая», внѣ всевозможныхъ преобразованій (III, 1—2). Для него какъ бы не существуетъ различныхъ временъ съ измѣняющимися формами жизни: «говорятъ,—замѣчаетъ онъ, напримѣръ,—говорятъ—«въ наше время, въ наше время», такъ какъ воображаютъ, что нашли и оцѣнили особенности нашего времени, и думаютъ, что *свойства людей* измѣняются съ временемъ» (III, 85). Измѣняющіяся формы жизни, которыя кладутъ такую печать на личность и судьбу человѣка, для него не существуютъ. Отсюда одинъ шагъ до умаленія исторіи, до признанія за нею одной формы въ видѣ чисто механическаго сцѣпленія фактовъ безъ внутренняго содержанія. Такъ оно и выходитъ по исторической философіи гр. Толстого: «цѣль волненій европейскихъ народовъ намъ неизвѣстна,—говоритъ онъ, напримѣръ,—а извѣстны только факты, состоящіе въ убійствахъ сначала во Франціи, потомъ въ Италіи, въ Африкѣ, въ Пруссіи въ Австріи, въ Испаніи, въ Россіи, *и движеніе съ запада на востокъ и съ востока на западъ составляетъ сущность и цѣль событій*» (VI, 156—157). Намъ извѣстны только факты! Сущность событій, весь ихъ смыслъ опредѣляется чисто механическимъ движеніемъ прилива и отлива народныхъ массъ, убивающихъ, грабящихъ и жгущихъ! Поэтому въ главной части своей исторической философіи, т.-е. въ послѣднихъ шести де-

сяткахъ страницъ «Войны и мира», гр. Толстой подвергаетъ историческій процессъ, отвлеченно взятый, анализу со стороны только его формы и механизма,—что̀ производитъ движеніе человѣчества и какъ оно происходитъ,—совершенно игнорируя вопросъ о смыслѣ историческаго движенія со стороны его внутренняго содержанія и результатовъ для того блага, къ которому стремится человѣкъ. Однимъ словомъ, тутъ гр. Толстой не съумѣлъ сочетать требованія реализма и идеализма, и историческій процессъ является для него поэтому процессомъ безъ смысла. Онъ признаетъ одинъ соціальный инстинктъ въ его стихійной, «роевой» формѣ непосредственной любви къ семьѣ, къ приснымъ, къ родинѣ, пожалуй, и вообще къ брату по человѣчеству; но гражданское самосознаніе, всѣ виды общественной дѣятельности, идея общаго блага, прогрессъ или регрессъ въ измѣненіи соціальныхъ формъ,—все это для него что-то непонятное и, какъ таковое, стоящее внѣ «настоящей» жизни съ ея «существенными интересами здоровья, болѣзни, труда, отдыха, съ ея интересами мысли, науки, поэзіи, музыки, любви, дружбы, ненависти, страстей» (III, 1).

Мы позволимъ себѣ на основаніи всего сказаннаго формулировать такой общій приговоръ объ исторической философіи «Войны и мира»: насколько ея достоинство заключается въ общей реалистической концепціи, настолько соціальный индифферентизмъ, очень послѣдовательно проведенный, составляетъ рѣшительно слабую сторону этой философіи. Его философія, вообще, есть философія нравственнаго обновленія личности въ сферѣ непосредственнныхъ отношеній къ людямъ и чисто индивидуальнаго бытія, и здѣсь только проявляется присущій ему идеализмъ; но область общественныхъ формъ,

вопросовъ и идеаловъ въ своей самостоятельности изъемлется имъ изъ исторической философіи, и ея реализмъ дѣлается потому одностороннимъ, близкимъ къ натурализму, что, съ проповѣдью въ «Войнѣ и мирѣ» открытаго фатализма, весьма естественно должно было отталкивать отъ исторіософическихъ разсужденій гр. Толстого многихъ читателей и критиковъ.

III. Главные пункты исторической теоріи въ „Войнѣ и Мирѣ“.

Создавая свою историческую философію, гр. Толстой въ сущности говоритъ о цѣломъ переворотѣ въ исторической наукѣ: жалобы на современное состояніе исторіографіи и проекты реформы въ ней довольно часто встрѣчаются за послѣднія десятилѣтія, и притомъ не въ одной русской литературѣ; исходятъ они большею частью отъ не-спеціалистовъ, которымъ не всегда извѣстно дѣйствительное состояніе исторической науки въ наше время. «Война и миръ» не заключаетъ въ себѣ указаній на то, чтобы гр. Толстой изучалъ этотъ вопросъ и былъ знакомъ съ обширной литературой, посвященной именно рѣшенію историко-философскихъ вопросовъ, а потому многія возраженія, дѣлаемыя имъ историкамъ, являются, по крайней мѣрѣ, запоздалыми, тогда какъ другія прямо обнаруживаютъ незнакомство съ тѣмъ, что дѣлается въ исторической наукѣ. Гр. Толстой составилъ себѣ нѣкоторое общее представленіе объ историкахъ, весьма для нихъ нелестное, и при каждомъ удобномъ случаѣ, отзывается о ихъ дѣятельности, какъ о чемъ-то смѣшномъ: «историки *съ наивною увѣренностью* говорятъ» то-то и то-то, (IV, 1),

«историки *въ простотѣ душевной* признаютъ» то-то и то-то (VI, 248). Если вѣрить гр. Толстому, «всѣ описанія общихъ историковъ составлены изъ послѣдовательнаго ряда противорѣчій» (VI, 238); далѣе, «общіе историки не только противорѣчатъ частнымъ, но и сами себѣ» (VI 239), а всѣ исторіи культуры «наполнены хитросплетенными разсужденіями» (VI, 240), и, наконецъ, объясненія историковъ «могутъ годиться только для дѣтей въ самомъ нѣжномъ возрастѣ» (VI, 248). Или, напр., одна фраза начинается у него такими словами: «для насъ, потомковъ не-историковъ, не увлеченныхъ процессомъ изысканія и потому съ незатемненнымъ здравымъ смысломъ созерцающихъ исторію» (VI, 3), а въ другомъ мѣстѣ онъ усматриваетъ у историковъ привычку натягивать «факты на правила исторіи», оставляя себѣ какую-нибудь «лазейку, когда что̀ не подходитъ подъ ихъ мѣрку» VI, 2); или же еще онъ представляетъ въ смѣшномъ видѣ занятія исторіей, говоря о «профессорѣ, смолоду занимающемся наукой, т. е. чтаніемъ книжекъ, лекцій и списываніемъ этихъ книжекъ и лекцій въ одну тетрадку» (VI, 153). Наконецъ, можно указать на мѣста гдѣ гр. Толстой изображаетъ, какъ историки обыкновенно разсказываютъ послѣдовательныя событія новаго времени (V, 3—4; VI, 151—152 и особенно 234—235): «напрасно,—говоритъ онъ въ заключеніе одного такого пересказа,—напрасно подумали бы, что это есть насмѣшка, каррикатура историческихъ описаній. Напротивъ, это есть самое мягкое выраженіе тѣхъ противорѣчивыхъ и не отвѣчающихъ на вопросы отвѣтовъ, которые даетъ *вся* (подчеркнуто у самаго гр. Толстого) исторія, отъ составителей мемуаровъ и исторій отдѣльныхъ государствъ до общихъ исторій и новыхъ исторій культуры. Странность и комизмъ этихъ отвѣ-

товъ вытекаютъ изъ того, что новая исторія подобна глухому человѣку, отвѣчающему на вопросы, которыхъ ему ни кто не дѣлалъ»... «Если цѣль исторіи,—поясняетъ онъ,—есть описанія движенія человѣчества и народовъ, то первый вопросъ, безъ отвѣта на который все остальное непонятно,—слѣдующій: какая сила движетъ народами? На этотъ вопросъ новая исторія озабоченно разсказываетъ или то, что Наполеонъ былъ очень геніаленъ, или то, что Людовикъ XIV былъ очень гордъ, или же то, что такіе-то писатели написали такія-то книжки» (V, 235—236). Словомъ, для гр. Толстого всѣ представители исторической науки—только «мнимо-философы-историки» (VI, 250). Вмѣсто тѣхъ идей, которыя, по мнѣнію гр. Толстого, руководятъ всѣми историками, онъ ставитъ свои, исходя изъ того, что исторія должна имѣть свою теорію (VI, 231), которую онъ называетъ философіей исторіи (VI, 272). Такая теорія давнымъ-давно вырабатывается, но гр. Толстой какъ то это игнорируетъ.

Собственная теорія гр. Толстого страдаетъ, однако, неполнотою: мы видѣли, какой важный пробѣлъ въ ней существуетъ, какъ односторонне поставленъ ея главный вопросъ. Притомъ другой ея недостатокъ—въ отрывочности, въ необработанности: повидимому, гр. Толстой набрасывалъ свои мысли на бумагу въ періодъ ихъ броженія, когда у него не было опредѣленнаго плана разсужденія, не заботясь о формулировкѣ своихъ идей, чтобы онѣ были вполнѣ понятны читателю и у него самого не вызывали возраженій и о точности употребляемыхъ понятій, объ устраненіи частныхъ противорѣчій. Другими словами, его историческая философія, какую мы встрѣчаемъ въ «Войнѣ и мирѣ», напоминаетъ написанные начерно отрывки изъ большого сочине-

нія, еще не получившаго своего плана, хотя последній отрывокъ, самый большой, до нѣкоторой степени имѣетъ законченный характеръ. Поэтому строго ученая критика и не можетъ быть приложена къ историческимъ разсужденіямъ «Войны и мира»: они стоятъ внѣ такой критики по незнакомству автора съ современнымъ состояніемъ исторической и историко-философской литературы и по своему отрывочному, мало выработанному изложенію. Тѣмъ не менѣе они подлежатъ разбору, поскольку черезъ нихъ проходитъ нѣсколько общихъ идей, и, являясь съ запоздалыми возраженіями историкамъ, гр. Толстой въ то же время рекомендуетъ нѣкоторые пріемы, которые далеко не могутъ быть названы новыми. Прогрессъ науки, по его словамъ, заключается въ переходѣ отъ взгляда на исторію, какъ на продуктъ дѣятельности нѣсколькихъ лицъ, ко взгляду на нее, какъ на произведеніе всѣхъ людей, иначе—къ дробленію причинъ явленій. «Тѣ новые пріемы мышленія, — говоритъ графъ Толстой, — которые должна усвоить себѣ исторія, вырабатываются одновременно съ самоуничтоженіемъ, къ которому, все дробя и дробя причины явленій, идетъ старая исторія» (VI, 286). Такой переворотъ, дѣйствительно, замѣчается въ развитіи исторіографіи съ давняго времени, и она вполнѣ можетъ принять тезисъ гр. Толстого, что «движеніе человѣчества, вытекая изъ *безчисленнаго* количества людскихъ произволовъ (т. е. актовъ воли), совершается *непрерывно*» (V, 2); если хотите даже, то новѣйшая исторіографія именно стремится понимать явленія, подлежащія ея вѣдѣнію, «только допуская безконечно малую единицу для наблюденія—дифференціалъ исторіи, т. е. однородныя влеченія людей, и достигая искусства интегрировать, т. е. брать суммы этихъ безконечно малыхъ» (V, 3).

Какъ же понимаетъ гр. Толстой задачу исторіи? Въ одномъ мѣстѣ цѣлью этой науки онъ называетъ «постиженіе *законовъ* движенія человѣчества» (V, 2); въ другомъ также говоритъ, что «задачу исторіи составляетъ уловить и опредѣлить *законы* движенія человѣчества» (VI, 286). Не разбирая пока этого мѣста по существу, такъ какъ выраженіе: «законы исторіи»—заключаетъ въ себѣ одно недоразумѣніе, съ которымъ мы встрѣтимся у самого гр. Толстого, при дальнѣйшемъ анализѣ его исторической философіи [1],—мы укажемъ на то, что и тутъ гр. Толстой не говоритъ историкамъ ничего новаго и напрасно обвиняетъ ихъ въ существующемъ игнорированіи ими относящихся сюда данныхъ изъ другихъ научныхъ областей. «Съ тѣхъ поръ, — говоритъ гр. Толстой,—какъ первый человѣкъ сказалъ и доказалъ, что количество рожденій или преступленій подчиняется математическимъ *законамъ*, или что географическія или политико-экономическія условія опредѣляютъ тотъ или другой образъ правленія, что извѣстныя отношенія къ землѣ производятъ движеніе народа, съ тѣхъ поръ *уничтожились въ сущности своей тѣ основанія, на которыхъ строилась исторія*. Можно было, опровергнувъ новые *законы*, удержать прежнее воззрѣніе на исторію, но, не опровергнувъ ихъ, *нельзя было*, казалось, *продолжать изучать историческія событія, какъ произведеніе свободной воли*. Ибо если установился такой-то образъ правленія или совершилось такое-то движеніе народа, вслѣдствіе такихъ-то географическихъ, этнографическихъ или экономическихъ условій, то воля тѣхъ лицъ, которыя представляются намъ установив-

[1]) Вообще о невѣрности самаго термина Осн. вопр. I, 17 и слѣд.

шими образъ правленія или возбудившими движеніе народа, уже не можетъ быть разсматриваема, какъ причина. А между тѣмъ,—заключаетъ гр. Толстой,—*прежняя исторія продолжаетъ изучаться наравнѣ съ законами статистики, географіи, политической экономіи, сравнительной филологіи и геологіи, прямо противорѣчащими ея положеніямъ*» (VI, 287—288). Не разбирая здѣсь недоразумѣнія, вытекающаго изъ невѣрнаго примѣненія понятія о законѣ къ исторіи, можно указать на то, что исторіографія давнымъ-давно не ищетъ причины явленій въ свободной (въ смыслѣ безпричинности) волѣ и именно обращается къ изученію причинъ и условій географическихъ, этнографическихъ, политическихъ, экономическихъ и т. п.

Разумѣя подъ закономъ непостижимое отношеніе, существующее всегда между двумя опредѣленными явленіями (напр., спросомъ и предложеніемъ въ народномъ хозяйствѣ), что̀ можно было бы однако назвать силою обстоятельствъ въ данную минуту,—гр. Толстой рекомендуетъ замѣнить вообще «отысканіе причинъ—отысканіемъ законовъ» (VI, 286 и 287), находя даже, что понятіе причины неприложимо въ исторіи (VI, 265): «*причинъ историческаго событія нѣтъ*,—говоритъ онъ,—*и не можетъ быть*, кромѣ единовременной причины всѣхъ причинъ, *но есть законы*, управляющіе событіями, отчасти неизвѣстные, отчасти ощупываемые нами» (V, 257). Этотъ странный тезисъ объясняется, повидимому, смѣшеніемъ понятій причины какъ совокупности условій, произведшей явленія, и причины, какъ чего-то другого, напр., движущей силы; по крайней мѣрѣ, причинъ въ первомъ смыслѣ онъ не отрицаетъ, указывая, напр., на неисчислимость причинъ каждаго историческаго событія: «чѣмъ больше,—говоритъ онъ,—мы углубляемся въ изы-

сканіе причинъ, тѣмъ больше намъ ихъ открывается, и всякая отдѣльно взятая причина или цѣлый рядъ причинъ представляются намъ одинаково справедливыми сами по себѣ и одинаково ложными по своей ничтожности въ сравненіи съ громадностью событія, и одинаково ложными по недѣйствительности своей (безъ участія всѣхъ другихъ совпавшихъ причинъ) произвести совершившееся событіе» (IV, 3). Свою мысль гр. Толстой поясняетъ перечисленіемъ обыкновенно приводимыхъ причинъ войны 1812 г. съ такимъ заключеніемъ: «безъ одной изъ этихъ причинъ ничего не могло бы быть. Стало быть, причины всѣ эти—милліарды причинъ—совпали для того, чтобы произвести то, что было» (IV, 3—4). Мало того: гр. Толстой особенно напираетъ на то, что причина каждаго историческаго факта есть въ сущности совпаденіе массы «милліона милліоновъ» мелкихъ причинъ, «только совпаденіе тѣхъ условій, при которыхъ совершается всякое жизненное, органическое, стихійное событіе» (IV, 5—6). Судя по другимъ мыслямъ гр. Толстого, онъ отрицаетъ причины не въ смыслѣ предшествующихъ фактовъ, порождавшихъ факты послѣдующіе, а въ смыслѣ движущихъ силъ, когда ихъ видятъ во власти, въ свободной волѣ, и т. п. Вопросъ: «какая сила движетъ народами?» (VI, 236) и есть главный, «первый» вопросъ его исторической философіи.

Мы указали на то, что гр. Толстой отрицаетъ объясненія историческихъ фактовъ, сводящія все къ дѣятельности нѣкоторыхъ только людей, и требуетъ, чтобы принимались въ расчетъ силы «*всѣхъ*, безъ одного исключенія, *всѣхъ* людей, принимающихъ участіе въ событіи», ибо,—говоритъ онъ,—«единственное понятіе, посредствомъ котораго можетъ быть объяснено движеніе народовъ, есть понятіе силы, равной всему движенію.

Между тѣмъ, прибавляетъ онъ, подъ понятіемъ этимъ разумѣются различными историками совершенно различныя и всѣ неравныя видимому движенію силы» (VI, 243). На этомъ онъ также особенно настаиваетъ: «движеніе народовъ,—говоритъ онъ,—производитъ не власть, не умственная дѣятельность, даже не соединеніе того и другого, какъ то думали историки, а дѣятельность *всѣхъ* людей, принимающихъ участіе въ событіи» (VI, 264), и въ этомъ смыслѣ онъ говоритъ объ интегрированіи однородныхъ влеченій людей (V, 3), о «суммѣ произволовъ людей» (V, 2), о томъ, напр., что «сумма людскихъ произволовъ сдѣлала и революцію, и Наполеона, и только сумма этихъ произволовъ терпѣла ихъ и уничтожила» (V, 4). Вотъ что, т.-е. эта сумма, и есть движущая сила, равная всему движенію, и не въ иномъ какомъ-либо смыслѣ, а именно въ этомъ гр. Толстой считаетъ невозможнымъ примѣнять понятіе причины въ исторіи: «*почему*,—говоритъ онъ,—происходитъ война или революція? Мы не знаемъ; мы знаемъ только, что для совершенія того или другого дѣйствія люди складываются въ извѣстное соединеніе и участвуютъ всѣ; и мы говоримъ, что это такъ есть, потому что немыслимо иначе, что это—*законъ*» (VI, 265). Другими словами, мысль гр. Толстого такова: движущая сила исторіи, какъ причина движенія, заключается въ суммѣ людскихъ произволовъ, а послѣдняя въ данный моментъ такова потому, что при данныхъ же обстоятельствахъ иная комбинація немыслима, и эту-то силу вещей онъ называетъ закономъ, отступая самъ отъ совѣта «дробить причины», такъ какъ всѣ онѣ тутъ замѣняются однимъ «закономъ». Самъ гр. Толстой не опредѣляетъ, въ какомъ значеніи понятіе причины въ примѣненіи къ исторіи имъ отрицается, и въ какомъ смыслѣ употребляетъ онъ слово «законъ». Добраться до его мысли

можно только путемъ сопоставленія отдѣльныхъ мѣстъ «Войны и мира».

Неопредѣленность понятій, употребляемыхъ гр. Толстымъ, недостаточная выработка его философскаго языка —въ значительной степени затрудняютъ правильное, т.-е. согласное съ намѣреніями автора, пониманіе его идей. Встрѣчаясь, напр., съ утвержденіемъ, что въ исторіи понятіе причины непремѣнимо, и съ мыслью о томъ, что историческое движеніе зависитъ отъ людскихъ произволовъ, можно было бы подумать, что гр. Толстой защищаетъ такой тезисъ: причинная связь въ историческихъ фактахъ невозможна, такъ какъ факты эти являются результатомъ дѣйствія людскихъ произволовъ. На дѣлѣ этого нѣтъ, но что такое произволъ, онъ точно не опредѣляетъ; во всякомъ случаѣ, это не свободная воля въ смыслѣ безпричинности, и въ своемъ отрицаніи свободы воли гр. Толстой доходитъ даже, какъ мы увидимъ, до фатализма, исключающаго всякій произволъ лица по отношенію къ тому, что онъ называетъ законами. И опять эту идею свободы воли, въ разныхъ мѣстахъ, гр. Толстой толкуетъ различнымъ образомъ, то въ смыслѣ возможности «дѣйствія безъ причины» (VI, 269), то въ смыслѣ «возможности поступить такъ, какъ захотѣлось» (VI, 266), что далеко не одно и то же. Безпричинный поступокъ, дѣйствительно, невозможенъ, и въ этомъ смыслѣ свобода воли противорѣчитъ идеѣ необходимости, но изъ того, что каждый поступокъ имѣетъ причину и, слѣдовательно, происходитъ необходимо, отнюдь не слѣдуетъ, что люди поступаютъ не такъ, какъ имъ хочется, а какъ-то иначе. Впрочемъ, гр. Толстой въ сущности съ своимъ понятіемъ закона и приходитъ къ аналогичному заключенію: человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ подчиненъ законамъ, которые, такъ сказать, ему дикту-

ютъ, что̀ онъ долженъ дѣлать, а собственная воля его тутъ ни-при-чемъ. Если понимать произволъ въ смыслѣ свободы воли, какъ дѣйствія безъ причины, то исторія, какъ наука, въ самомъ дѣлѣ, невозможна; но гр. Толстой собственно отрицаетъ произволъ, какъ дѣйствіе по собственному изволенію, хотя бы и имѣющее причину. «Если,—говоритъ онъ,—воля каждаго человѣка была свободна, *т.-е. каждый могъ поступить такъ, какъ ему захотѣлось*, то вся исторія есть рядъ безсвязныхъ случайностей. Если даже одинъ человѣкъ изъ милліоновъ въ тысячелѣтній періодъ времени имѣлъ возможность поступить свободно, *т.-е. такъ, какъ ему захотѣлось*, то очевидно, что одинъ свободный поступокъ этого человѣка, *противный законамъ*, уничтожаетъ возможность существованія какихъ бы то ни было законовъ для всего человѣчества» (VI, 266). Выходитъ такъ, что возможность поступать по желанію, въ которой никто не станетъ сомнѣваться даже изъ самыхъ завзятыхъ противниковъ свободы воли, въ смыслѣ безпричинности, противорѣчитъ законамъ, т.-е., другими словами, человѣкъ дѣйствуетъ не такъ, какъ самъ хочетъ, а какъ его принуждаютъ поступать законы. Въ такомъ случаѣ, слово «произволъ» должно было бы быть совсѣмъ выкинуто изъ философскаго словаря гр. Толстого: произвола нѣтъ не только въ смыслѣ безпричинности, что вѣрно, но и въ смыслѣ изволенія, что ужъ совсѣмъ невѣрно.

Мы еще увидимъ, что̀ именно гр. Толстой называетъ въ исторіи законами, а пока достаточно указанія на то, что, отрицая свободу воли, онъ понимаетъ эту свободу, имъ отрицаемую, не по отношенію къ формулѣ: «всякое дѣйствіе предполагаетъ извѣстную причину, какъ *достаточное основаніе*», — а по отношенію къ формулѣ: «всякое явленіе подходитъ подъ извѣст-

ный законъ, какъ подъ свое *правило*». Въ математикѣ и естествознаніи слово «законъ» имѣетъ именно такое значеніе, и гр. Толстой въ примѣненіи понятія этого къ человѣческому міру употребляетъ слово не иначе, когда говоритъ, напр., «что дѣйствія людей подлежатъ общимъ, неизмѣннымъ законамъ, выражаемымъ статистикой» (VI, 269). Дѣло въ томъ только, что можно сильно усомниться въ неизмѣнности статистическихъ законовъ: «количество рожденій или преступленій,—говоритъ гр. Толстой,—подчиняется математическимъ законамъ» (VI, 286), но развѣ оно остается неизмѣннымъ? Во-вторыхъ, отрицая свободу воли не во имя общаго принципа необходимости всего совершающагося, а во имя *такого* закона, какъ, напр., статистическое обобщеніе, гр. Толстой простой цифрѣ, выражающей постоянство извѣстныхъ явленій при извѣстныхъ условіяхъ, даетъ значеніе принудительной силы, дѣйствующей роковымъ образомъ на волю. Наконецъ, если въ естествознаніи и абстрактной части обществовѣдѣнія всякій законъ формулируется такъ: «если дано то-то, то изъ этого произойдетъ то-то»,—то самъ гр. Толстой, говоря о законѣ въ исторіи, имѣетъ въ виду, въ сущности, нѣчто иное, а именно силу вещей, которой онъ хочетъ безъ остатка подчинить человѣческіе поступки. Мы это еще увидимъ, а теперь у насъ есть данныя для пониманія того, какъ это въ исторіи отысканіе причинъ должно замѣниться отысканіемъ законовъ: этотъ выводъ гр. Толстого основанъ на недоразумѣніи, на нѣкоторомъ смѣшеніи понятій, ибо подъ его законами скрываются *тутъ* тѣ же причины, и свободѣ дается опять новое толкованіе. «Въ исторіи,—говоритъ онъ,—то, что̀ извѣстно намъ, мы называемъ законами необходимости (напр., пояснимъ мы, извѣстныя причины), а

то, что неизвѣстно,—свободой. *Свобода для исторіи есть только выраженіе неизвѣстнаго остатка отъ того, что мы знаемъ о законахъ жизни человѣка*... Для исторіи существуютъ линіи движенія человѣческихъ волъ, одинъ конецъ которыхъ скрывается въ невѣдомомъ (т.-е., какъ хотѣлъ тутъ сказать гр. Толстой, — въ неизвѣстной намъ цѣпи причинъ и слѣдствій), а на другомъ которыхъ движется въ пространствѣ, во времени и въ зависимости отъ причинъ *сознаніе* свободы людей въ настоящемъ. Чѣмъ болѣе раздвигается передъ нашими глазами это поприще движенія (т.-е., по мысли гр. Толстого, чѣмъ большее количество времени мы охватываемъ знаніемъ), тѣмъ очевиднѣе законы (т.-е. причинная необходимость) этого движенія... Съ той точки зрѣнія, съ которой наука смотритъ теперь (!) на свой предметъ, по тому пути, по которому она идетъ, отыскивая причины явленій въ свободной волѣ людей (!!), выраженіе законовъ для науки невозможно, ибо какъ бы мы ни ограничивали свободу людей (въ какомъ смыслѣ?), не подлежащую законамъ (не причинамъ ли?), существованіе закона невозможно. Только ограничивъ эту свободу до безконечности, т.-е. разсматривая ее, какъ безконечно малую величину, мы убѣдимся въ совершенной недоступности причинъ, и тогда, вмѣсто отысканія причинъ, исторія поставитъ своей задачей отысканіе законовъ» (VI, 285—286), т.-е., какъ на самомъ дѣлѣ думаетъ гр. Толстой, будетъ искать причины явленій не въ актахъ личной воли, хотя бы и небезпричинныхъ, а въ нѣкоторой, внѣ-лежащей, силѣ, которую онъ и отождествляетъ съ понятіемъ закона исторіи.

Этотъ анализъ идей гр. Толстого указываетъ, мы надѣемся, на то, до какой степени неопредѣлены упо-

требляемыя имъ понятія, и въ то же время мы находимъ два главные пункта его исторической теоріи: по первому, сила, производящая движеніе народовъ и потому—что̀ совершенно вѣрно — долженствующая быть равною производимому движенію, заключается въ суммѣ произволовъ всѣхъ безъ исключенія людей, участвующихъ въ движеніи; по второму же пункту, исторія должна заниматься отыскиваніемъ не причинъ, а законовъ. Первое положеніе направлено противъ воззрѣнія, приписывающаго историческое движеніе только нѣкоторымъ людямъ, второе—противъ взгляда, по которому въ исторіи дѣйствуетъ свободная воля людей. Въ такой формулировкѣ, собственно сдѣланной нами, историческая философія гр. Толстого, съ нашей стороны, не вызываетъ никакого возраженія, но, на самомъ дѣлѣ, изъ этихъ своихъ взглядовъ онъ дѣлаетъ выводы, съ коими нельзя согласиться.

Во-первыхъ, если исторію совершаетъ сумма людскихъ произволовъ, то является вопросъ: равны ли слагаемыя, образующія эту сумму, и если неравны, то какія это слагаемыя и насколько одни больше другихъ, что̀ увеличиваетъ сумму и тѣмъ вліяетъ на самое историческое движеніе. На этотъ вопросъ гр. Толстой даетъ отвѣтъ совершенно неудовлетворительный, *отрицая роль личнаго элемента въ исторіи, сводя его къ нулю передъ массовой, или «роевой» силой.*

Во-вторыхъ, если воля несвободна, то возникаетъ вопросъ о томъ, чему она подчиняется, и въ какой степени нужно понимать ея подчиненіе дѣйствующимъ на нее факторамъ. И на этотъ вопросъ отвѣтъ гр. Толстого неудовлетворителенъ, потому что онъ *отрицаетъ въ исторіи личную инициіативу, дѣлая изъ человѣка слѣпое орудіе силы вещей или рока, которые онъ возводитъ*

на степень закона, всецѣло подчиняющаго себѣ человѣка и не позволяющаго ему вносить въ историческое движеніе нѣчто свое.

Въ самомъ дѣлѣ, вся историческая философія «Войны и мира» сводится къ отрицанію роли личности и личной инициативы въ исторіи: исторія для гр. Толстого есть массовое движеніе, совершающееся роковымъ образомъ, причемъ великіе люди являются только «ярлыками событій», т.-е. не имѣютъ никакого самостоятельнаго значенія, или слѣпыми орудіями рока, т.-е. разсматриваются, какъ лишенные собственной воли, хотя бы и имѣющей достаточныя основанія въ личныхъ отношеніяхъ. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ не столько доказывать неосновательность такого взгляда, сколько доискиваться основной причины его образованія.

IV. Личность, свобода воли и „историческіе законы".

На историческую теорію гр. Толстого, приведенную къ двумъ положеніямъ, на которыя мы указали, можно смотрѣть, какъ на реакцію противъ взглядовъ, черезъчуръ выдвигавшихъ впередъ отдѣльное лицо на счетъ яко-бы только пассивной массы и придававшихъ слишкомъ большое значеніе личной инициативѣ въ сравненіи съ условіями, сообщающими общему ходу исторіи извѣстное направленіе. Но въ своей полемикѣ съ историками, которымъ всѣмъ вообще гр. Толстой приписываетъ оспариваемыя имъ возрѣнія, онъ зашелъ слишкомъ далеко, совершенно унизивъ историческую личность и ея инициативу, приписавъ все «роевой» силѣ массы и стихійному ходу исторіи, возведенному въ законъ. Дѣло, однако, не объясняется однимъ полемическимъ увлече-

ніемъ: теорія гр. Толстого находится въ тѣснѣйшей связи съ его отрицательнымъ отношеніемъ къ общественной дѣятельности, которая и есть одинъ изъ факторовъ исторіи, и предпочтеніемъ, оказываемымъ имъ дѣятельности безсознательной передъ сознательною дѣятельностью. Съ этой точки зрѣнія вся его теорія есть не что иное, какъ обоснованіе взгляда его относительно личнаго и сознательнаго участія въ общественныхъ и историческихъ дѣлахъ. Но тутъ и у него возникло внутреннее противорѣчіе, которое съ перваго взгляда не бросается въ глаза лишь потому, что оно замаскировано общимъ отношеніемъ гр. Толстого къ вопросу. Съ одной стороны, ему нужно было довести до minimum'а роль такъ-называемыхъ великихъ людей, и онъ лишаетъ ихъ всякой силы; съ другой, ему хотѣлось доказать, что эти люди совершенно несвободны въ своихъ дѣйствіяхъ, и онъ превращаетъ ихъ, людей этихъ, въ слѣпыхъ исполнителей велѣній исторіи, т.-е. видитъ въ нихъ главную силу, черезъ которую историческій рокъ выполняетъ свои рѣшенія; въ первомъ случаѣ въ исторіи дѣлается все само собою, и выдающіяся единицы суть только «ярлыки событій»; во второмъ—черезъ нихъ-то «законъ» и оперируетъ въ исторической жизни. Это противорѣчіе не случайно: смотря по тому, передъ чѣмъ гр. Толстой хочетъ принизить отдѣльную личность,— передъ массой ли, состоящей изъ личностей же, или передъ безличнымъ «закономъ»,—онъ и создаетъ то или другое представленіе объ историческихъ дѣятеляхъ, и оба представленія становятся въ рѣзкое противорѣчіе. Разберемъ теперь оба пункта исторической теоріи «Войны и мира» по-одиночкѣ.

Изъ участія въ историческомъ движеніи *всѣхъ* еще не слѣдуетъ, что *всѣ* въ немъ дѣйствуютъ одинаково и

въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ, т.-е. «сумма людскихъ произволовъ», двигающая исторіей, состоитъ изъ далеко неравныхъ слагаемыхъ. На основаніи этого принципа можно было бы создать цѣлую классификацію индивидуумовъ по ихъ активному отношенію къ исторической жизни въ смыслѣ и количества дѣйствія, и его качества, т.-е., главнымъ образомъ, сознательности или безсознательности. На этотъ счетъ у гр. Толстого нѣтъ твердаго взгляда: онъ то игнорируетъ разновеликость силъ, участвующихъ въ исторіи, то становится на точку зрѣнія противоположную. «*Такой же* причиной (войны 1812 г.),—говоритъ онъ,—какъ отказъ Наполеона отвести свои войска за Вислу и отдать назадъ герцогство ольденбургское, представляется нам и желаніе или нежеланіе перваго французскаго капрала поступить на вторичную службу»,—въ этихъ словахъ гр. Толстого произволъ императора французовъ и произволъ капрала его арміи ставятся на одну доску, какъ равновеликія силы; но въ развитіи своей мысли авторъ «Войны и мира» невольно измѣняетъ самому себѣ: «ибо,—продолжаетъ онъ,—ежели бы онъ (т.-е. капралъ) не захотѣлъ идти на службу, и не захотѣлъ бы и другой, и третій, и тысячный капралъ и солдатъ, настолько менѣе было бы солдатъ въ войскѣ Наполеона, и войны не могло бы быть. Ежели бы *Наполеонъ* не оскорбился требованіемъ отступить за Вислу и не велѣлъ наступать войскамъ, не было бы войны; но ежели бы *всѣ сержанты* не желали поступать на вторичную службу, тоже войны не могло бы быть» (IV, 3). Тутъ, такимъ образомъ, уже произволу *одного* противоставляется произволъ *многихъ*, и этимъ одно слагаемое «суммы произволовъ» признается за нѣчто большее всѣхъ другихъ, причемъ гр. Толстой еще упускаетъ изъ виду,

что Наполеонъ не зависѣлъ ни отъ кого въ рѣшеніи вопроса, а сержанты, капралы и солдаты люди были подневольные. Отсюда можно было бы вывести заключеніе, что гр. Толстой признаетъ за такимъ лицомъ, какимъ былъ Наполеонъ, особую силу, какой лишены другіе люди, не прибѣгая къ гипотезѣ, которая дѣлала бы этого человѣка сверхъестественнымъ въ томъ или другомъ смыслѣ существомъ; но гр. Толстой не только этого не дѣлаетъ, но выставляетъ тезисъ діаметрально противоположный. По его мнѣнію, вліятельные люди въ обществѣ наименѣе участвуютъ въ событіи и наиболѣе находятся въ зависимости отъ событія, совершающагося яко-бы по ихъ волѣ.

Было бы слишкомъ долго говорить о разсужденіяхъ, приведшихъ гр. Толстого къ этому выводу. Сущность ихъ сводится къ слѣдующему. Во-первыхъ, чѣмъ болѣе человѣкъ приказываетъ въ какомъ-нибудь совокупномъ дѣйствіи, тѣмъ менѣе онъ непосредственно дѣйствуетъ (VI, 259 и слѣд.); но гр. Толстой забываетъ, что само приказываніе есть уже дѣйствіе, безъ котораго не могло бы быть и совокупной дѣятельности. Во-вторыхъ, приказаніе исполняется только тогда, когда оно можетъ быть исполнено (VI, 255 и слѣд.), чѣмъ и доказывается у автора зависимость приказанія отъ событія (VI, 264); но при этомъ забывается, что одна выполнимость совокупнаго дѣйствія не влечетъ за собою его выполненія, если оно кѣмъ-нибудь не задумано, не посовѣтовано, не приказано. Въ этихъ разсужденіяхъ гр. Толстого заключается косвеннымъ образомъ какъ бы такой совѣтъ людямъ общественной дѣятельности: всѣ занимающіеся придумываніемъ образа дѣйствій для другихъ, подаваніемъ совѣтовъ, приказываніемъ, только воображаютъ, что нѣчто дѣлаютъ; все въ обществѣ дѣлается само собою, и

наши предположенія, совѣты, повелѣнія только тогда оправдываются, когда то, что представляется совершающимся въ силу этихъ предположеній, совѣтовъ, повелѣній, само собою совершается въ томъ же направленіи, а потому общественная дѣятельность есть только самообманъ, потому что приказаніе не можетъ быть причиною событія. «Какъ скоро,—говоритъ гр. Толстой,—совершится событіе,—какое бы то ни было,—то изъ числа всѣхъ безпрерывно выражаемыхъ воль различныхъ лицъ найдутся такія, которыя, по смыслу и по времени, отнесутся къ событію, какъ приказанія» (IV, 264); но, въ сущности, по его мысли, приказаніе и всякій иной способъ направлять дѣятельность другихъ людей вовсе не причины событія. Конечно, исполнимость приказанія зависитъ отъ обстоятельствъ, лежащихъ внѣ приказывающаго, но изъ этого не слѣдуетъ, что послѣдній въ событіи ровно ни-при-чемъ. Конечно, видимое подчиненіе массъ какой-либо личности, будетъ ли это Лютеръ, или Наполеонъ, возможно лишь тогда, когда въ массахъ есть данныя для того, чтобы подчиниться ея вліянію; но изъ этого не слѣдуетъ, что личность не вноситъ рѣшительно ничего своего въ событіе, связанное съ ея дѣятельностью. Между тѣмъ, по гр. Толстому, «въ историческихъ событіяхъ такъ-называемые великіе люди *суть ярлыки*, дающіе наименованіе событію, которое также, какъ ярлыки, *менѣе всего имѣетъ связи съ самимъ событіемъ*» (VI, 7). Слѣдовательно, отказъ Наполеона отъ похода въ Россію ничего не значилъ бы? Такъ выходитъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ поясняетъ свою мысль еще болѣе образно: «когда, говоритъ онъ, корабль идетъ по одному направленію, то впереди его находится одна и таже струя; когда онъ часто перемѣняетъ направленіе, то часто перемѣняются и бѣгущія впереди его струи. Но

куда бы онъ ни повернулся, вездѣ будетъ струя, предшествующая его движенію... Куда бы ни направлялся корабль, струя, не руководя, не усиливая его движенія, *бурлитъ впереди его и будетъ издали представляться намъ не только произвольно движущейся, но и руководящей движеніемъ корабля*» (VI, 264). Этими сравненіями историческихъ дѣятелей съ ярлыками, съ бурлящими струями, общественная дѣятельность объявляется чѣмъ-то призрачнымъ, излишнимъ, ненужнымъ для того, чтобы дѣлалась исторія,—воззрѣніе, которое могло образоваться только на почвѣ вышеуказаннаго непониманія соціологической стороны исторіи, при индифферентизмѣ къ общественнымъ вопросамъ. Реалистическая тенденція гр. Толстого заставила его снять великихъ людей съ героическаго пьедестала, превратить ихъ изъ полубоговъ въ обыкновенныхъ смертныхъ, но тутъ они перестаютъ даже быть людьми, выключаются изъ тѣхъ «всѣхъ», которые дѣлаютъ исторію, чтобы стать какими-то призраками въ человѣческомъ образѣ. А между тѣмъ самъ же онъ выдѣляетъ историческія лица изъ массы, указывая, напр., на то, что, «чѣмъ выше стоитъ человѣкъ на общественной лѣстницѣ, чѣмъ съ бо́льшими людьми (=бо́льшимъ количествомъ людей) онъ связанъ, —тѣмъ больше власти онъ имѣетъ на другихъ людей» (=надъ другими людьми, (IV, 5);—или на то, что эти лица берутъ на себя оправданіе имѣющаго совершиться и тѣмъ создаютъ себѣ положеніе (VI, 158, 160, .61, 262).

Но допустимъ, что все это такъ; допустимъ, что приказываніе, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, тогда только представляется причиною событія, когда, по словамъ гр. Толстого, оно соотвѣтствуетъ событію; уже одно существованіе людей, настолько прозорливыхъ

въ общественныхъ дѣлахъ, что предположенія, совѣты, повелѣнія этихъ людей оказываются сами собою сбывшимися, дозволяетъ говорить о ихъ геніальности: пусть они въ движеніи ничто, какъ дѣятели, — по крайней мѣрѣ, они обнаруживаютъ пониманіе безъ нихъ дѣлающихся событій. Гр. Толстой не допускаетъ и геніальности (VI, 155 и слѣд.). Правда, мы слышимъ тутъ протестъ противъ героическихъ воззрѣній, дѣлавшихъ изъ геніевъ сверхъестественные феномены (VI, 245—246), но еще больше тутъ просто непониманія общественной дѣятельности и роли ея представителей въ исторіи. «Слово это (т.-е. геній),—говоритъ гр. Толстой,—не обозначаетъ ничего дѣйствительно существующаго и потому не можетъ быть опредѣлено. Слово это обозначаетъ только извѣстную степень пониманія явленій... Я вижу силу, производящую несоразмѣрное съ общечеловѣческими свойствами дѣйствіе, *не понимаю*, почему это происходитъ, и говорю: *геній*» (VI, 156). Гордіевъ узелъ загадки гр. Толстой не распутываетъ, а разрубаетъ: мнѣ непонятна «сила производящая несоразмѣрное съ общечеловѣческими свойствами дѣйствіе», вообще сила одного человѣка, и я говорю, что тутъ нѣтъ никакой даже силы, что это призракъ, простой ярлыкъ событія, бурлящая струя, только кажущаяся руководительницей корабля. Можно и должно реалистически относиться къ «героямъ», не идеализируя ихъ изъ людей въ полубоговъ; но неумѣніе понять, въ чемъ ихъ реальная сила, не даетъ права превращать ихъ въ призраки, облеченные въ человѣческій образъ.

Гр. Толстой совершенно основательно борется съ старымъ воззрѣніемъ, по которому дѣятельность цѣлаго народа вмѣщается безъ остатка въ дѣятельности единичныхъ людей (VI, 231 и слѣд.), ибо, какъ онъ гово-

ритъ, «для того, чтобы найти составляющія силы, равныя составной или равнодѣйствующей, необходимо, чтобы сумма составляющихъ равнялась составной» (VI. 238); но если, по его словамъ, исторію дѣлаютъ *всѣ*, то въ числѣ этихъ «всѣхъ» находятся и тѣ самые люди, которымъ онъ приписываетъ чисто призрачную роль въ своей теоріи, хотя ему и *кажется*, что имъ принадлежитъ особая сила. Между прочимъ, послѣдняя заключается въ томъ, что они являются носителями тѣхъ или другихъ общественныхъ идей; но гр. Толстой предрѣшаетъ вопросъ о роли идей въ исторіи, напр., въ словахъ: «какая-то неопредѣлимая сила, называемая идеей» (VI, 240). Все идейное какъ-то не дается въ исторіи гр. Толстому, не даромъ же онъ и въ поэзіи особенный мастеръ въ анализѣ безсознательныхъ психическихъ процессовъ, господствующихъ подчасъ надъ яснымъ голосомъ сознанія, а общественная дѣятельность единицъ какъ разъ и руководится идеями. Весьма поэтому существенно, что гр. Толстой уничтожитъ въ своей исторической философіи и личную иниціативу, предполагающую сознательную дѣятельность, — уничтожитъ во имя той же безсознательно-стихійной стороны исторіи, къ которой сведетъ все, и которую объявитъ «закономъ».

Личная иниціатива есть освобожденіе отъ рутины, господствующей, какъ законъ, именно въ массовой жизни, освобожденіе отъ дѣятельности, направляемой исключительно однимъ стихійнымъ ходомъ исторіи [1]). Общественная рутина, стихійный ходъ исторіи — суть силы роковыя, которыя держатъ въ оковахъ людей, лишенныхъ собственной иниціативы, и эти-то силы гр.

[1]) „Осн. вопр. фил. ист.", *passim*.

Толстой называетъ законами, безраздѣльно господствующими надъ личной волей. Его не даромъ критика объявила фаталистомъ; историческая философія «Войны и мира» фаталистична, и, что особенно интересно, гр. Толстой видитъ, какъ мы упоминали, главныя орудія фатума именно въ тѣхъ лицахъ, которыя, по его же словамъ, наименѣе участвуютъ въ событіяхъ: призраки— въ роли исполнителей велѣній судьбы! Можетъ ли быть бо̀льшее противорѣчіе?

По словамъ самого гр. Толстого, «фатализмъ въ исторіи неизбѣженъ для объясненія неразумныхъ явленій» (IV, 4), а разумности-то онъ и не допускаетъ въ исторіи, ибо, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «если допустить, что жизнь человѣческая можетъ управляться разумомъ, то уничтожится возможность жизни» (VI, 155). Въ чемъ же заключается фатализмъ гр. Толстого? А вотъ въ чемъ: во-первыхъ, дѣйствія историческихъ лицъ, превращающихся тутъ въ дѣятелей исторіи, объявляются «непроизвольными», т.-е. подчиненными какой-то непреодолимой силѣ; во-вторыхъ, на этихъ лицахъ лежитъ печать предназначенія. «Каждое дѣйствіе ихъ,—говоритъ гр. Толстой въ одномъ мѣстѣ,—кажущееся имъ произвольнымъ для самихъ себя, въ историческомъ смыслѣ *не произвольно*, а находится въ всязи со всѣмъ ходомъ исторіи и *опредѣлено предвѣчно*» (IV, 7). Въ другомъ мѣстѣ, разсуждая о роли Наполеона и Александра I въ событіяхъ начала XIX-го в., онъ находитъ, что «невозможно придумать двухъ другихъ людей, со всѣмъ ихъ прошедшимъ, которое соотвѣтствовало бы до такой степени, до такихъ мельчайшихъ подробностей *тому назначенію, которое имъ предлежало исполнить*» (VI, 157). Или, напр., онъ прямо утверждаетъ, что походъ Наполеона на Россію совершился не потому, что Наполеонъ захо-

тѣмъ этого, а потому, что такъ должно было совершиться (V, 256). Правда, у гр. Толстого есть мѣста, гдѣ онъ выступаетъ, какъ провиденціалистъ, когда говоритъ о Богѣ, но его Богъ есть Богъ безъ провидѣнія, и провиденціалистическія выраженія заключаютъ въ себѣ фаталистическое содержаніе, ибо провиденціализмъ старается проникнуть въ разумность плана исторіи. Правда, съ другой стороны, гр. Толстой, отрицая возможность безпричиннаго дѣйствія воли, какъ будто является только детерминистомъ, но это лишь частность, не нарушающая общей фаталистической концепціи его исторической философіи. Формула фатализма такова: имѣющее случиться—случится, какъ бы мы не старались этому воспрепятствовать;—и *необходимость* всего совершающагося въ исторіи гр. Толстой понимаетъ вовсе не въ томъ смыслѣ, что все въ исторіи имѣетъ *достаточныя основанія* для того, чтобы быть, т.-е. не въ смыслѣ *причинности* (походъ Наполеона на Россію вызванъ массою причинъ), а въ смыслѣ *непреодолимости* или *непредотвратимости*, чему быть—тому не миновать, ибо онъ совсѣмъ устраняетъ значеніе сознательнаго расчета, основаннаго на сознательномъ отношеніи къ окружающему, и основанной на этомъ расчетѣ общественной дѣятельности, которая именно въ той или другой формѣ борется со стихійною силою вещей. Эта сила вещей, сама собою движущаяся впередъ, и есть то неопреодолимое, непредотвратимое, которое гр. Толстой называетъ закономъ или законами исторіи, и если, какъ мы видѣли, онъ толкуетъ не-свободу воли въ детерминистическомъ смыслѣ, не допуская безпричинныхъ дѣйствій, то въ понятіи непроизвольности, невозможности поступить такъ, какъ захотѣлось, скрывается фаталистическій

смыслъ полнаго подчиненія воли принудительно дѣйствующему закону.

О не-свободѣ воли,—съ той точки зрѣнія, что не можетъ быть дѣйствія безъ причины, а потому воля не можетъ быть свободна, т.-е. дѣйствовать безъ достаточныхъ основаній, для которыхъ должны быть свои основанія, и такъ далѣе до безконечности,—писали многіе мыслители, часто аргументируя совершенно различно каждый *). У гр. Толстого на этотъ счетъ есть своя аргументація и при томъ весьма оригинальная (VI, 266), и еслибы все дѣло заключалось только въ ней, упрека въ фатализмѣ ему никто не сдѣлалъ бы: онъ только особеннымъ образомъ развиваетъ мысль, что нѣтъ дѣйствія безъ причины. Сущность его аргументаціи слѣдующая: онъ беретъ, между прочимъ, вопросъ съ точки зрѣнія *представленія* о проявленіи этой воли въ прошедшемъ и въ извѣстныхъ условіяхъ, и, по его словамъ, каждое событіе *представляется* частью свободнымъ, частью необходимымъ (VI, 271), причемъ доля свободы и доля необходимости *представляются* намъ въ отношеніи обратно пропорціональномъ. Дѣйствіе *представляется* тѣмъ менѣе свободнымъ, чѣмъ лучше мы знаемъ отношеніе человѣка ко всему окружающему, чѣмъ въ большемъ періодѣ времени разсматриваемъ его дѣятельность, чѣмъ очевиднѣе намъ причины поступка, и наоборотъ. Полной свободы мы не можемъ себѣ, однако, *представить*, ибо для этого пришлось бы мыслить человѣка внѣ пространства, времени и причинности, а съ другой стороны, мы не въ состояніи *представить* себѣ полной необходимости даннаго факта, ибо это предполагало бы знаніе всѣхъ пространственныхъ условій въ

*) Тамъ же I, 36 и слѣд.

какія поставленъ извѣстный человѣкъ, удлиненіе до безконечности періода времени между совершеннымъ поступкомъ и сужденіемъ о немъ и опредѣленіе всей цѣпи причинъ какого бы то ни было поступка, которая также безконечна (VI, 282). Изъ этого разсужденія, представленнаго здѣсь въ голомъ остовѣ и вытекаетъ извѣстное намъ опредѣленіе свободы, какъ выраженія неизвѣстнаго остатка отъ того, что мы можемъ знать о необходимости, т.-е. мы *представляемъ* себѣ поступокъ свободнымъ или неимѣющимъ достаточнаго основанія, когда не знаемъ его причинъ. Въ этомъ отношеніи заключительныя слова «Войны и мира»; «необходимо отказаться отъ несуществующей свободы (т.-е. возможности безпричинно дѣйствовать) и признать неощущаемую нами зависимость» (отъ рядовъ причинъ, опредѣляющихъ акты нашей воли),—содержатъ въ себѣ неоспоримую истину, какъ также вѣрно и то, что, вслѣдствіе невозможности знать всѣ причины, нельзя представить себѣ жизнь и исторію безъ свободы, т.-е. безъ неизвѣстнаго остатка отъ того, что мы можемъ знать о необходимости. И еще такое соображеніе мы находимъ у гр. Толстого: «*представленіе* о дѣйствіи человѣка, подлежащемъ одному закону необходимости, безъ малѣйшаго остатка свободы, невозможно»,—говоритъ онъ (VI, 282). Но въ такомъ случаѣ, въ какомъ же отношеніи стоятъ эти слова гр. Толстого съ его фаталистическимъ возрѣніемъ на исторію? Дѣло въ томъ, что его фатализмъ покоится вовсе не на этой аргументаціи относительно невозможности свободы воли въ смыслѣ ея безпричинности,—хотя мы и *представляемъ* себѣ свободу, когда не знаемъ причинъ,—а на совершенно иномъ рядѣ мыслей. Гр. Толстой смѣшиваетъ не-свободу воли въ томъ значеніи, что воля не можетъ дѣйствовать безпричинно, съ ея

не-свободой въ значеніи полной ея зависимости отъ чего-то непреодолимаго, что̀ онъ называетъ историческимъ закономъ; тутъ уже рѣчь идетъ не о томъ, что «такъ», т.-е. безпричинно, ничего не дѣлается, а о безсиліи личности передъ рокомъ. И весьма замѣчательно, что именно лишь въ жизни исторической, «роевой» или стихійной онъ видитъ только одно неизбѣжное выполненіе «предписаннаго закона», тогда какъ въ жизни личной, которую онъ называетъ «настоящею», онъ допускаетъ наибольшую свободу (IV, 5), конечно, уже не въ томъ смыслѣ, чтобы тутъ возможны были поступки безъ достаточнаго основанія; опять является на сцену противоположеніе частной жизни и общественной дѣятельности, и теперь съ указаніемъ еще на то, что въ первой—человѣкъ можетъ найти свободу, а во второй—только тяжелое рабство. Но разъ гр. Толстой объявилъ, что общественная дѣятельность пуста, какъ наименьшее участіе въ событіи, и жалка, какъ нѣчто не-свободное, мы были бы въ правѣ ожидать, что онъ, по крайней мѣрѣ, объявитъ ее наименѣе отвѣтственной, тогда какъ именно эти-то ярлыки событій и орудія рока онъ вдобавокъ дѣлаетъ наиболѣе отвѣтственными (VI, 264—265). Послѣ этихъ разъясненій мы можемъ теперь посмотрѣть въ самый корень его фатализма, въ его идею о не-свободѣ воли, которая вовсе не вытекаетъ изъ детерминизма.

Понятіе свободы есть понятіе отрицательное: свобода есть всегда независимость отъ чего-либо. Воля не свободна, потому что зависитъ отъ своей причины, такъ какъ нѣтъ дѣйствія безъ причины, но воля можетъ быть свободна отъ многаго другого и притомъ свободна въ разныхъ степеняхъ. Гр. Толстой, указывая на невозможность свободы воли отъ условій пространства, вре-

мени и отъ причинности, упускаетъ изъ виду возможность относительной и сравнительной свободы воли въ иныхъ смыслахъ: напр., воля человѣка сравнительно свободнѣе воли животныхъ и свободнѣе именно относительно непосредственнаго—чувственнаго мотива поступковъ. Храбрый человѣкъ свободнѣе въ своихъ поступкахъ при видѣ опасности, чѣмъ трусъ. Развитого человѣка не вернетъ съ дороги встрѣча зайца, а для суевѣра это будетъ достаточное основаніе вернуться, и т. п. Эта относительная и сравнительная свобода, не устраняя ни малѣйшимъ образомъ необходимости дѣйствія мотивовъ, такъ какъ дѣятельность безъ мотивовъ была бы сплошнымъ чудомъ, измѣняетъ только способъ мотивировки: у человѣка этихъ способовъ гораздо больше, чѣмъ у животныхъ; у него есть возможность бо́льшаго выбора, но въ этомъ смыслѣ и не всѣ люди одинаково свободны. Графъ Толстой игнорируетъ это важное условіе: тотъ, кто можетъ дѣйствовать только по одному мотиву, несвободнѣе того, кто хотя и не безпричинно, можетъ выбирать изъ многихъ. Фатализмъ въ исторіи и заключается въ признаніи для воли историческаго дѣятеля только *одного* мотива, съ исключеніемъ возможности иныхъ. Извѣстная рутина опредѣляетъ дѣйствія людей, но это не значитъ, что отдѣльныя личности не могутъ освободиться отъ рутины, чтобы подчиняться дѣйствію иныхъ мотивовъ. Принятое исторіей направленіе, увлекаетъ дѣятельность людей по-этому направленію, но это еще не значитъ, что поступки отдѣльныхъ личностей не могутъ мотивироваться, такъ сказать, «противъ теченія». Между тѣмъ рутину, т.-е. однообразное для всѣхъ мотивированіе воли, которое даетъ начало «роевой» силѣ, и стихійное теченіе исторіи, отсюда происходящее, гр. Толстой возводитъ на степень

закона, который *одинъ* и управляетъ будто бы волей людей съ такой принудительной силой, что возможность всякаго иного мотивированія этимъ устраняется. Но ни рутина, отъ которой можетъ освободиться личность, достигшая извѣстной степени духовнаго развитія, ни принятое исторіей направленіе, съ которымъ люди собственной инициативы могутъ стать въ-разрѣзъ, не суть законы въ научномъ смыслѣ; это только случаи однообразной и однородной рѣшимости воль, не исключающіе возможности, при иныхъ условіяхъ, — напр., при особыхъ условіяхъ, въ какихъ могутъ находиться нѣкоторыя личности въ сравненіи со всѣми остальными,— и иной рѣшимости. Законъ есть выраженіе необходимыхъ, а потому постоянныхъ, отношеній между извѣстными причинами, и ихъ слѣдствіями, и воля абсолютно подчиняется этимъ отношеніямъ, ибо иначе было бы нарушеніе необходимаго отношенія между причиной и слѣдствіемъ, т.-е. изъ данной причины вытекало бы не то слѣдствіе, которое изъ нея дожно произойти,—напр., дважды-два могло бы быть и пять, и восемь, и десять и т. д.; но нельзя назвать закономъ простое эмпирическое обобщеніе фактовъ, говорящее только, что въ данномъ обществѣ наблюдаются такія-то явленія; если они наблюдаются, для этого есть достаточныя основанія; послѣднія, однако, непостоянны, во-первыхъ, потому, что у нѣкоторыхъ людей могутъ быть иныя достаточныя основанія, и ихъ дѣятельность будетъ представлять собою исключеніе изъ общаго правила, а во-вторыхъ, потому, что эти основанія и по отношенію ко всѣмъ членамъ общества измѣняются современемъ въ другія *). Если французы шли въ армію Наполеона, на это были свои причины,

*) Тамъ же, I, 39.

и поступленіе каждаго солдата въ войско мотивировалось, такъ или иначе для каждаго солдата сложившимися причинами, но, по теоріи гр. Толстого, вышло бы, что въ армію Наполеона толкалъ французовъ какой-то непреодолимый рокъ, не оставлявшій имъ никакого выбора, напримѣръ, между уклоненіемъ отъ конскрипціи, членовредительствомъ, дезертирствомъ, самоубійствомъ и т. ц. Или, напримѣръ, гр. Толстой ссылается на повторяемость цифры преступленій въ данномъ обществѣ: каждое преступленіе имѣетъ свои индивидуальныя причины, и если цифра преступленій остается до извѣстной степени постоянной, то это зависитъ отъ того, что приблизительно, одинаковое количество людей, при данныхъ условіяхъ общества, ставится въ одинаковое положеніе, но это не значитъ, что цифра есть какой-то законъ, непосредственно дѣйствующій на индивидуальныя воли и заставляющій ихъ подвигаться на преступленія, чтобы непремѣнно, при какихъ бы-то ни было условіяхъ, было совершено требуемое «закономъ» количество преступленій. Гр. Толстой возводитъ въ законъ и рутину, т.-е. однообразное мотивированіе воли, и ей подчиняетъ личность, тѣмъ самымъ отрицая возможность личной иниціативы; онъ возводитъ въ законъ стихійное теченіе исторіи, т.-е. мотивированіе воли, заключающееся въ увлеченіи общимъ потокомъ, отрицая возможность независимаго отъ этой стихійной силы поведенія личности. Словомъ, онъ не признаетъ возможности относительной свободы воли, т. е. не абсолютной свободы отъ причинности вообще, а именно свободы относительной отъ данныхъ, конечно, дѣйствующихъ въ исторіи силъ, которымъ онъ придаетъ значеніе закона, «его же не прейдеши». Конечно, рутина есть сила, но сила же есть и личная иниціатива, и обѣ имѣютъ свои причины. Рав-

нымъ образомъ, стихійность исторіи есть сила, но въ исторіи силу составляетъ и руководимое сознаніемъ самостоятельное отношеніе отдѣльныхъ личностей къ данному ходу исторіи, и обѣ эти силы опять-таки имѣютъ свои причины. Въ исторіи ведется борьба между несвободой,въ какой удерживаетъ волю рутина, пассивное подчиненіе образовавшемуся теченію, и свободой, выражающейся въ личной инициативѣ, въ самостоятельномъ отношеніи къ данному ходу исторіи. Гр. Толстой не видитъ этой борьбы и не видитъ потому, что въ ней заключается соціологическая сторона исторіи, что изъ нея и состоитъ общественная дѣятельность, какъ внесеніе въ жизнь личной иниціативы, какъ стремленіе къ самостоятельному вмѣшательству въ стихійный процессъ исторіи. Общественный дѣятель немыслимъ безъ иниціативы, безъ самостоятельнаго отношенія ко всему совершающемуся вокругъ, а между тѣмъ его-то гр. Толстой и считаетъ наименѣе свободнымъ: великій человѣкъ, по его мнѣнію, есть только орудіе рока, возведеннаго въ принудительный законъ. Гр. Толстой, эмпирически обобщивъ факты движенія людей съ запада на востокъ (VI, 157), выдаетъ это обобщеніе за законъ, а всю дѣятельность Наполеона разсматриваетъ, какъ подневольное выполненіе этого закона: Наполеонъ такъ же, по исторической философіи гр. Толстого, исполнялъ велѣніе рока, служа ему въ качествѣ слѣпого орудія, какъ человѣкъ, совершающій преступленіе, совершаетъ его, яко-бы во исполненіе закона статистики, повелѣвающаго, чтобы непремѣнно общество поставило извѣстное количество убійцъ или грабителей. По плану исторіи, хотя его и отвергаетъ гр. Толстой, нужно было, чтобы французы пришли въ 1812 г. убивать русскихъ мужиковъ смоленской и московской губерній, и потому явился На-

полеонъ, который повелъ туда французовъ: онъ только исполнялъ предписанный ему законъ. По закону, управляющему обществомъ, нужно, чтобы въ немъ было совершено столько-то грабежей, и потому такой-то напалъ на денежную почту, такой-то стащилъ шубу съ запоздалаго прохожаго: всѣ они только исполняли предписанные обществу законы. То-есть, по гр. Толстому, воля Наполеона была подчинена только одному безсознательному стремленію выполнить предписанный ему исторіей законъ: иныхъ мотивовъ въ дѣйствительности у него не было, между чѣмъ онъ могъ бы выбирать, никакія реальныя причины на него не дѣйствовали,—онъ только выполнялъ законъ.

Ходъ исторіи фаталенъ; сила вещей непреодолима; чему быть, тому не миновать, какъ бы ни старались предотвратить то или другое; все происходитъ по закону, противиться которому безсмысленно, а общественная дѣятельность и есть именно устроеніе общественныхъ дѣлъ не такъ, какъ создаетъ «законъ» исторіи,—слѣдовательно, не противься стихійному теченію исторіи, замкнись въ сферу личной жизни, которая есть и настоящая жизнь, и жизнь свободная, потому что тутъ человѣкъ свободенъ отъ выполненія предписаннаго ему исторіей закона. Вотъ окончательный совѣтъ, который даетъ гр. Толстой своею историческою философіей: его фатализмъ, вытекая изъ неправильнаго примѣненія къ исторіи научнаго понятія закона и философскаго ученія о невозможности абсолютной свободы воли, служитъ въ тоже время теоретическимъ оправданіемъ соціальнаго индифферентизма автора «Войны и мира», индифферентизма къ общественнымъ формамъ и всякой дѣятельности, ихъ поддерживающей и реформирующей.

Общій приговоръ объ исторической философіи «Войны и мира» можно формулировать слѣдующимъ образомъ. Гр. Толстой реалистическую тенденцію своей поэзіи переноситъ въ область исторіи и исторической философіи, устраняя изъ нихъ идеализацію и идеологію; но тамъ, гдѣ у него рѣчь идетъ о жизни общественной, а не личной, его покидаетъ идеализмъ, который онъ умѣетъ сочетать со своимъ реализмомъ. Его идеализмъ чисто этическій, идеализмъ, такъ сказать, праведнаго житія, но не идеализмъ соціальный, не идеализмъ правильныхъ *формъ* общежитія внѣ того, что̀ предписывается личною этикой. Эта односторонность его міросозерцанія коренится въ какомъ-то непониманіи общественной жизни, какъ таковой: то онъ объявляетъ, что «настоящая» жизнь идетъ независимо отъ всевозможныхъ общественныхъ преобразованій; то утверждаетъ, что только преступникъ, одержимый страстью, знаетъ, въ чемъ заключается «bien public»; то иронизируетъ по поводу общественной дѣятельности выводимыхъ имъ на сцену лицъ; то развиваетъ мысль, что одна только безсознательная жизнь имѣетъ смыслъ; то утверждаетъ, что въ исторіи общества все дѣлается само собою, и что историческіе дѣятели суть только ярлыки событій; то разсуждаетъ о законѣ исторіи, который, какъ по предписанію, только и выполняютъ люди общественной дѣятельности, и т. п. Въ то самое время, какъ реализмъ выводитъ гр. Толстого на вѣрную дорогу, это непониманіе самостоятельнаго содержанія исторіи, ея соціологической стороны, сбиваетъ его на ложные пути, и его историческая философія представляетъ изъ себя смѣсь удивительно вѣрныхъ и поразительно невѣрныхъ идей съ массою внутреннихъ противорѣчій, которыя объясняются и малой выработанно-

стью изложенія, и недостаточной продуманностью мысли, и полнымъ пренебреженіемъ къ бо́льшей опредѣленности понятій.

Основная концепція «Войны и мира» — двойственность человѣческой жизни, какъ личной и исторической, и взаимодѣйствіе обѣихъ: человѣкъ дѣйствуетъ въ исторіи, а исторія вторгается въ жизнь человѣка. Но это взаимодѣйствіе понято гр. Толстымъ односторонне: личность дѣйствуетъ въ исторіи, принимая участіе въ событіяхъ, въ прагматической сторонѣ исторіи, и работая надъ преобразованіемъ культурно-соціальныхъ формъ, что̀ составляетъ соціологическую ея сторону, и гр. Толстой видитъ и понимаетъ только первую, сумму послѣдовательныхъ личныхъ дѣяній, внѣ движенія общественныхъ формъ. Далѣе, дѣйствіе исторіи на личность бываетъ двоякое, а именно: непосредственное вліяніе событій на внутренній міръ личности и на измѣненіе общественныхъ формъ, среди коихъ приходится жить личности, и тутъ гр. Толстой признаетъ только первое дѣйствіе, очень рельефно воспроизводя его въ романѣ, а «всевозможныя преобразованія» объявляетъ чѣмъ-то безразличнымъ для личной жизни. Такая односторонность ограничиваетъ историческій кругозоръ гр. Толстого и дѣлаетъ его философію скептической, какъ только она соприкасается съ общественною дѣятельностью, и фаталистической, какъ только онъ видитъ дѣятеля, стремящагося произвести то или другое во имя той или другой общественной идеи. Личная иниціатива въ общественныхъ дѣлахъ, самостоятельное отношеніе къ ихъ теченію въ силу одной безсознательной, «роевой» дѣятельности людей—для него загадка, и онъ колеблется между взглядомъ на все это, какъ на нѣчто призрачное, въ родѣ ярлыковъ и бурлящихъ струй, — и

взглядомъ, по которому въ этомъ нужно видѣть слѣпую силу, служащую для осуществленія предписаній закона исторіи. Смыслъ видитъ гр. Толстой въ одномъ личномъ бытіи, и здѣсь онъ является пророкомъ *нравственнаго обновленія*, но смыслъ жизни исторической для него закрытъ: передъ его глазами раскрывается одно внѣшнее движеніе, одни событія, одна прагматическая сторона исторіи, но внутреннее содержаніе историческаго движенія, постоянную *перестройку общественныхъ формъ*, не безразличныхъ, конечно, для блага, полноты и свободы личнаго бытія, постоянную постановку и постоянное рѣшеніе общественныхъ вопросовъ гр. Толстой совсѣмъ не воспринимаетъ, какъ слѣпой, чувствующій только солнечный жаръ знойного дня, но не видящій блеска и свѣта солнца. Исторія, лишенная своего реальнаго смысла, не могла у гр. Толстого получить и смысла идеальнаго въ понятіи той цѣли, которую она должна осуществлять, чтобы удовлетворять наши субъективныя требованія отъ жизни, хотя личному бытію онъ ставитъ цѣль въ этическомъ идеалѣ. Процессъ безъ внутренняго содержанія, безъ цѣли, достиженія коей мы могли бы отъ него добиваться, сами участвуя въ этомъ процессѣ, чисто фатальный ходъ непреодолимой силы вещей, устраняющій всякую возможность суда надъ нимъ съ нашей стороны внѣ чисто моральной оцѣнки поведенія дѣйствующихъ въ событіяхъ лицъ, дѣйствіе какого-то «закона», превращающаго живыхъ людей въ части громаднаго механизма,— вотъ что̀ есть исторія, по представленію гр. Толстого. Тутъ реализмъ, остающійся на высотѣ своего назначенія въ поэзіи «Войны и мира» вслѣдствіе своего сочетанія съ этическимъ идеализмомъ, превращается въ чистѣйшій натурализмъ, вслѣдствіе того, что гр. Тол-

стой въ общественныхъ идеалахъ, въ родѣ «свободы, равенства, просвѣщенія», видитъ простыя «отвлеченія», хотя они имѣютъ такое же значеніе, какъ его этическій идеалъ «простоты, добра и правды». Голый реализмъ, отрицающій всякое творчество идеаловъ, непремѣнно перейдетъ въ натурализмъ, и историческая философія «Войны и мира» служитъ только подтвержденіемъ этой истины рядомъ съ главною частью произведенія, съ романомъ, гдѣ гр. Толстой сочеталъ реализмъ съ идеализмомъ.

Намъ кажется, что историческая философія гр. Толстого можетъ, съ этой точки зрѣнія, характеризовать всю его литературную дѣятельность, какъ крупнаго реалиста, ставящаго, однако, всѣ вопросы жизни на почву одной личной этики, но индифферентнаго къ общественнымъ формамъ, какъ формамъ, а потому полагающаго, будто общественныя отношенія должны регулироваться одною личною моралью, этикой лично-праведной жизни. Такая философія не можетъ, однако, быть вмѣстѣ и философіей *общественной и исторической.*

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

сочиненія того же автора:

Основные вопросы философіи исторіи. Спб. 1887. (Изд. 2-е). Цѣна за два тома 4 р. 25 к.

Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в. М. 1879. Ц. 3 р. 50 к.

Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ до 1789 г. Варшава. 1881. Ц. 1 р.

Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. М. 1886. Ц. 1 р. 50 к.

Литературная эволюція на Западѣ (изъ теоріи и исторіи литературы). Воронежъ. 1886. Ц. 2 р.

Моимъ критикамъ. Защита книги «Основные вопросы философіи исторіи». Варшава. 1884. Ц. 50 к.

Лекція о духѣ русской науки. Варшава. 1885. Ц. 20 к.

Najnowszy zwrot w hystoryografji polskiej. S.-Pb. 1888. Ц. 30 к.

Введенія въ курсы исторіи Востока. (ц. 35 к.), **древняго міра** (ц. 80 к.), **среднихъ вѣковъ** (ц. 60 к.) и **новой исторіи** (ц. 80 к.).

ПОСЛѢДНІЯ ИЗДАНІЯ Л. Ф. ПАНТЕЛѢЕВА.

Тацитъ К. Сочиненія. Пер. съ примѣч. и со статьею о Тацитѣ и его сочин. *В. И. Модестова.* Т. I. Агрикола. Германія. Исторія. Ц. 2 р. 50 к.

„ „ Т. II. Лѣтопись. Разговоръ объ ораторахъ. Ц. 3 р. 50 к.

Грантъ Алленъ. Чарльзъ Дарвинъ. Перев. съ англійскаго подъ ред. *А. Н. Энгельгардта.* Съ прилож. статьи Ч. Дарвина «Объ инстинктѣ». Ц. 1 р. 50 к.

Клазіусъ, Р. О запасахъ энергіи въ природѣ и пользованіи ими для нашего блага. Перев. *Флугъ.* Цѣна 30 коп.

Гердъ, А. Я. Учебникъ географіи. Ч. I. Общій обзоръ земного шара. Цѣна 60 к.

„ „ „ Учебникъ географіи. Ч. II. Азія. Цѣна 50 к.

„ „ „ Учебникъ географіи. Ч. III. Австралія, Полинезія, Африка и Америка. Ц. 75 к.

Вейсбахъ, А. Таблицы для опредѣленія минераловъ по внѣшнимъ признакамъ. Пер. *С. И. Серебреникова.* Ц. 1 р. 50 коп.

Баллингъ, К. Новѣйшіе способы химическаго изслѣдованія продуктовъ горнозаводскаго промысла въ пробирномъ дѣлѣ. Пер. *К. Флуга.* Ц. 2 р.

Печатаются:

Тавилдаровъ, Н. И. Курсъ технологіи питательныхъ веществъ. Производства: 1) крахмальное, 2) сахарное и рафинадное, 3) пивоваренное и винокуренное.

Дамскій, А. В. Повторительный курсъ по неорганической химіи.

Модестовъ, В. И. Исторія римской литературы, въ 3-хъ томахъ.

Тэтъ. П. Теплота.

Бобржинскій, М. Исторія Польши. Пер. подъ ред. проф. *Н. И. Карѣева.*

Дернбургъ. Пандекты. Пер. съ нѣм. *М. И. Брунна.*

Гуржеевъ, С. М. Учебникъ механики.

„ „ „ Прикладная механика.

Складъ изданій **Л. Ф. Пантелѣева** въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова. Петербургъ. Литейный проспектъ, 48.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 марта 1888 г.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Большая Садовая, д. № 27.